

Инна Багшинская

*Детектив
сильных
страстей*

СтеклЯнные
куклы

Детективный триумvirат

Инна Бачинская
Стеклянные куклы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Стеклянные куклы / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2016 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-90141-8

Шестнадцать фотографий. Шестнадцать девушек в разных костюмах. Четыре невесты, четыре Красные Шапочки, четыре цыганки и четыре Золушки. Четыре блондинки, четыре рыжеволосые, четыре брюнетки и четыре русые. Странное название сайта – «Стеклянные куколки»... Тоня Бережная с ужасом узнала в одной из девушек свою сестру Юлю, пропавшую несколько месяцев назад. По словам эксперта-фотографа, модели на фото выглядели мертвыми – либо они находились под воздействием препаратов, либо на момент съемки их действительно уже не было в живых. Выяснилось, что все девушки числятся пропавшими. А вскоре выявилась связь каждой из них с Вадимом Устиновым, известным в городе таксидермистом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90141-8

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Стеклянные куклы

*Я заснувший пассажир,
поезд – жизнь.
Выплывают миражи сна, лжи.
Человек из миража,
появившийся в окне,
Бестелесностью пожал руку мне.
И сию заворочен миражем.
Понимаю – я уже в мираже.
Как здесь тихо, как легко,
как все стало далеко.
Неужели миражи – это жизнь?*

Юрий Кукин. Миражи

*Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

© Бачинская И.Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

...Небольшая комната без окон. Слепительный свет софитов. Мужчина у стола расчехляет фотокамеру. В «царском» кресле – красном с золотым, – в центре, на невысоком подиуме, сидит женщина в пышном белом платье; на голове ее венок из белых лилий. Лицо густо набелено, глаза обведены сине-серебристыми тенями, губы пылают малиной. За спиной – подушка, на которую она опирается, поэтому женщина сидит очень ровно, сложив руки на коленях. Она неподвижна, взгляд устремлен на один из софитов, и в ярком свете видно, как неестественно расширены зрачки.

Мужчина перестает возиться с камерой, распрямляется и оценивающе рассматривает женщину в кресле. Бормочет довольно:

– Прекрасно, моя куколка! Улыбочку! Головку повыше, ручки вместе!

Он подходит к женщине, приподнимает указательным пальцем ее подбородок, расправляет по плечам тугие каштановые локоны, чуть сдвигает венок. Отходит, рассматривает, говорит удовлетворенно:

– Отлично! Просто отлично! А теперь смотри сюда, сейчас вылетит птичка!

Он делает шаг назад, приникает к объективу. Женщина вдруг валится на бок и застывает в неестественной напряженной позе. Венок сползает ей на лицо, она закрывает глаза.

– Я сказал, сидеть! – кричит мужчина. Он бросается к женщине, резким движением выпрямляет ее, кулаком трамбуется подушку-подставку за ее спиной. Поправляет венок, складывает руки на коленях; повторяет: – Сидеть!

Щелкает камерой; раз, другой, третий...

– Готово! – говорит он через минуту. – Хорошо! Еще парочку! Отлично работаем. Молодец, невеста!

Вновь подсакивает к женщине, надвигает венок ей на лицо, стаскивает пышный рукав, обнажая плечо, поправляет жемчужные бусы, убирает назад локоны. Отступает, смотрит оценивающе. Довольно хмыкает, снова приникает к объективу.

– А теперь делаем сказку! – объявляет он весело. – Как зовут ту глупышку с туфелькой? Которая живет в чулане? Не знаешь? Сейчас узнаешь!

Он с трудом поднимает женщину с кресла и переносит на маленький диванчик в углу. С треском расстегивает молнию-застежку, сопя, стаскивает платье, отшвыривает. Женщина валится в подушки. Мужчина открывает стеной шкаф, перебирает висящие там женские наряды, снимает один, потом другой, рассматривает, прикидывает. Выбрав пышное розовое платье, возвращается к женщине и начинает ее одевать. Хмурясь, протаскивает ее руки в длинные кружевные рукава, наклонив безвольное тело вперед, почти сложив пополам, застегивает пуговички на шее сзади. Женщина не протестует и покорно подчиняется. Он отпускает ее руку, и рука падает безвольно. Снимает каштановый парик, натягивает белокурый. Несет женщину назад в кресло. Надевает на голову диадему из блестящих стеклышек, бросает золотую туфельку ей на колени. Повторяется прошлая сцена: он кулаком утрамбовывает подушку за спиной женщины, усаживает модель прямо, расправляет длинные белые волосы...

Где-то вдалеке хлопает дверь. Мужчина выпрямляется и настороженно прислушивается. Подсакивает к двери, приоткрывает и выглядывает наружу. Снова хлопает дверь; по комнате пролетает холодный сквознячок. Слышны приближающиеся шаги. Мужчина отскакивает от двери; прижимается к стене, что-то шепчет, похоже, поминает черта...

Глава 1

Приглашение к танцу!

*Это школа Соломона Пляра,
Школа балльных танцев, вам говорят.
Две шага налево, две шага направо,
Шаг вперед и два назад.*

Песня, слова и музыка В. Руденкова

– Господа, внимательнее! Кавалеры! Спина! Плечи! Колени! Держим дам! Локотки, локотки! Дамы! Головку держим, плечи назад, подбородок! Слушаем музыку! Плавно! Раз-два-три! Раз-два-три! Плавно! Нежно, смотрим друг на дружку! Спина прямая, головка откинута!

Стелла Гавриловна, балерина в прошлом, а сейчас очень немолодая дама, ведет школу балльных танцев «Конкордия». Она предана танцу, отдала всю жизнь балету, все в ней трепещет при звуках музыки – каждая мышца и каждый нерв, – жилистая фигура невесома и гибка; когда взметываются юбки, видны сильные икры – как сжатый кулак. Спина и увядшая шея в веснушках, руки морщинистые и тоже в веснушках. Но, боже мой, какая осанка! Не спина, а натянутая струна, ступни развернуты в стороны – она так и ходит, то семеня, то порывисто взлетая; на затылке торчит узел очень темных, почти черных волос, схваченный черным бархатным бантом; смелые густые брови придают выразительности и свидетельствуют о сильном характере; крупный нос и большой рот делают ее слегка похожей на Буратино; голос зычный, даже пронзительный – аж мурашки по коже, и подкрепляется оглушительными хлопками в ладоши. Команды как залпы орудий. Канонада. Вся жизнь в ритме танца: раз-два-три! Раз-два-три! Р-р-раз-два-три!

Кто-то, возможно, нашел бы ее излишне крикливой. Да еще командирские замашки, необычная внешность, странные наряды, устрашающий грим, но, если честно, все это совершенно неважно, а важно то, что Стелла Гавриловна личность! Творец. Пигмалион. Берет неуклюжее ковыляющее существо с лишним весом и обтесывает его, превращая в легкое, стремительное, танцующее красивое тело.

– Слушаем музыку! Музыку слушаем! Раз-два-три! И раз-два-три! Лена, спину прямо! Головка откинута! Подбородок! Павел, смотрите влюбленно! Прониклись музыкой! Вальс! Танец любви! И раз-два-три!

На лице Стеллы Гавриловны – выражение восторга и упоения, она кружится в танце, она парит, юбочки взлетают, видны тощие ноги в веснушках и сильные твердые икры.

– Раз-два-три! Раз-два-три! И еще раз! И еще!

Ученики ее любят, хотя посмеиваются, переглядываются, хихикают; придумали кличку «Стелла-Конкорда», иногда для краткости просто Корда. Корда-то Корда, но, безусловно, личность!

Стелла Гавриловна ничего не замечает: ах, это такие мелочи! Главное – танец! Жизнь как непрекращающийся бесконечный прекрасный танец.

По праздникам ей дарят цветы, она смущается, приседает в глубоком реверансе, опускает головку с черным бархатным бантом; торчат острые лопатки. Она снова на сцене, успех, фурор, восхищение...

Учеников немного, в лучшие времена человек шестнадцать, костяк – десяток примерно, остальные приходящие и уходящие. Не все проникаются. Причем постоянные не обязательно успешные, нет! Стелла Гавриловна старается не замечать их ляпы, неуклюжие движения, неповоротливость, она считает, что сам факт тяги к прекрасному в наше сложное время заслужи-

вает уважения. Она знает о каждом, назидает с высоты собственного жизненного опыта, спрашивает, интересуется; в свою очередь делится историями из собственной бурной жизни, приглашает на кофе, кормит безвкусными и пресными галетками из супермаркета, показывает свои фотографии в сценических костюмах. Рассказывает о мужьях и поклонниках – ах, молодость! Море цветов, шампанское из бальной тувельки, рауты, бенефисы, любовь до гроба, безумная ревность, дуэли! В смысле, драки, а как же! Кто не дрался за честь любимой дамы, тот не любил!

Стелла Гавриловна одинока, хотя была замужем четыре раза; в голове ее романтическая каша из рыцарей и прекрасных дам, трубадуров, вагантов, поединков и балов; она сидит в своем пестром и пряном мирке как бабочка в коконе, и ей наплевать, что там, на дворе, – снег или дождь, землетрясение или цунами. В однокомнатной квартирке тепло и уютно и полно ее фотографий и портретов по стенам, а также пыльных засушенных цветов в старинных вазах и даже лавровых венков – дань ее танцевальному гению. Она последний романтик в своей весовой и возрастной категории, открыта для восторгов и верит в человечество. Вокруг нее всегда свет.

Она разносит ученичков за излишний вес, вытаскивает на прогулку за реку, заставляет заниматься плаванием до глубокой осени, не слазит с них, одним словом. А они подсмеиваются, корчат рожи за спиной, фыркают... Но ведь подчиняются! Меняют стиль жизни, перестают жрать в три горла, а один даже бросил пить – правда, впал в депрессию, но зато начал писать стихи о любви.

О, Стелла Гавриловна... Это да! Кто в городе не знает Стеллы Гавриловны! У нее даже сайт есть – открыл благодарный ученик Люся, Ленчик, задаром, и обновляет регулярно, хотя танцы давно забросил. Женился и забросил, не до того стало. Жена повисла жерновом и не пускает. Открывается сайт эпиграфом – красивыми и очень правильными стихами Лопе де Вега из знаменитой пьесы «Учитель танцев»:

Да, танцы прелестью своей
В полете, в радостном порыве
Красавиц делают красивей,
Дурнушек делают милей.
Мне жаль, что пляске грациозной
Мы не учились до сих пор...

Выбрала стихи, разумеется, Стелла Гавриловна. И фотографии знаменитых балерин вокруг, а также ее собственные. Жизель, Кармен, белый лебедь...

– Раз-два-три! И р-р-раз-два-три! Барышни! Кавалеры! Порхаем! Легче! Невесомее!
Вся жизнь в ритме танца, как уже было замечено ранее.

Глава 2

Капитан Астахов и пропавшая девушка

Капитан Астахов уже собирался выскочить перекусить в кафешку по соседству, но тут вдруг позвонил дежурный и сказал, что к нему пришла девушка. Капитан чертыхнулся, но тем не менее спросил:

– Красивая? Фамилия?

– Ничего, – ответил дежурный. – Бережная Антонина Васильевна. Запустить?

Ничего хорошего от визита девушки капитан не ждал – тот факт, что она попросилась именно к нему, говорил, что они уже пересекались. Имя ее было Астахову скорее незнакомо, чем знакомо – так, брезжило что-то, – в смысле, пересекались они давно и по делу второстепенному, иначе бы он запомнил. То, что она пришла снова, означает, что первая встреча с ним, капитаном Астаховым, ее не удовлетворила, а посему идем по второму кругу. Капитан вздохнул и подумал, прислушиваясь к бурчанию в животе, что... Додумать он не успел, так как в дверь постучали.

Он сразу ее вспомнил и снова непроизвольно вздохнул. Все верно, Бережная Антонина Васильевна – давненько не было! Два, три месяца? Больше? В нем шевельнулась надежда, что, возможно, все в порядке, разрешилось как-то, и она пришла сообщить, что исчезнувшая сестра нашлась. Не с нашим счастьем, подумал капитан Астахов, и сказал официально:

– Я вас слушаю.

– Вы меня помните? – Она смотрела на него громадными серыми глазами, и Астахову показалось, что она сейчас заплачет. Во всяком случае, лицо у девушки было измученным и печальным – с таким лицом обычно охотно и долго плачут.

– Конечно, Антонина Васильевна, я вас помню. Что новенького?

– Я нашла Юлечку! – Голос ее задрожал, и она действительно заплакала.

Капитан Астахов похолодел от мысли, что появились доказательства смерти бедной девушки, а он был уверен, что барышня попросту загуляла.

– Где нашли?

– В Интернете! Вот. – Она вытащила из сумки кипу листков и протянула капитану. Тот взял. Верхний представлял начальную страницу сайта с названием, выполненным затейливой вязью: «Стеклянные куклки». Капитан взял следующий листок. Там были фотографии девушек. От пестроты он на миг закрыл глаза. Фотографий было много – Астахов насчитал шестнадцать. Невесты, цыганки, Красные Шапочки, Золушки с золотой тфелькой в руке.

– Которая? – спросил капитан.

– Вот она! Это же Юлечка! – Девушка потыкала пальцем в одну из фотографий.

Он присмотрелся. На картинке была девушка в пышном свадебном платье и в венке из белых лилий; лицо полузакрывала прозрачная фата. Капитан перевел взгляд на посетительницу:

– Вы уверены?

– Господи, да что же, я Юлечку не узнаю? – вскричала девушка, прижимая руки к груди. – Это она! В свадебном платье!

– И что это, по-вашему, значит? – осторожно спросил капитан.

– Это значит, что она жива-здоровая, работает в какой-то студии. Там их много...

– А почему она молчит?

– Да не знаю я! Может, память потеряла! Но найти можно! Вы же говорили, что надо надеяться, что ничего пока не известно, что она вернется! Хоть бы весточку, хоть словечко!

– Мы делаем все, что можем, – сказал капитан. – Опросили знакомых, друзей, сотрудников... вы же помните. Давали фото в новостях, проверяли больницы и морги... – Он осекся.

– Пожалуйста! Ведь можно вычислить владельца этого... – Она запнулась: – ...домена! И адрес этого ателье! У вас же есть специалисты!

– А что говорит знакомый программист? – наугад спросил капитан.

Девушка сникла.

– Откуда вы знаете? Он говорит, что стопроцентной гарантии нет, потому что *веб-мастера* дают *фейковые* данные при регистрации. – Она старательно выговорила незнакомые слова. – И тут уж ничего не поделаешь. В смысле, то ли случайно, то ли нарочно, понимаете? Последний раз он добавил новые фотографии примерно в то же время, когда пропала Юлечка.

Капитан вздохнул, не зная, что сказать. Некий *программер* сказал, что вычислить *веб-мастера* нельзя и что же тут можно поделать?

– Но вы же полиция! Вы все можете! У вас же специалисты! Пожалуйста! – Она зарыдала.

Капитан налил воды в стакан, протянул посетительнице.

– Антонина Васильевна, успокойтесь. Оставьте мне фотографии, мы постараемся что-нибудь придумать, хорошо?

– Вы найдете Юлечку? – Она смотрела на капитана несчастными глазами. – Обещаете?

Он уже обещал сделать, что в его силах. Когда молодая и приятная женщина смотрит на тебя заплаканными глазами, ты готов пообещать многое.

– Обещаю сделать все что смогу, – твердо сказал Астахов, желая только одного: чтобы она скорее ушла – он не выносил вида женских слез. Подумав, добавил: – Даже невозможное.

Правда, он тут же пожалел о своих словах, так как девушка бросилась благодарить, даже слезы высохли. Переход от отчаяния к надежде был мгновенным.

– Спасибо! Господи, как я измучилась! Мы же вместе росли, мама умерла, когда мне было четырнадцать, а Юлечке еще и четырех не было. Папа работал днем и ночью, стал пить, переживал очень и умер, а мы остались одни. Ее хотели забрать в детдом, но папин начальник отстоял, сказал, коллектив поможет. Папа работал на радиозаводе. И бабушка, мамина мама, была еще жива. Вы себе не представляете, как нам было трудно! А сейчас... Но это ведь поможет, правда? – Она потрясла картинками из Интернета. – Это след! Это значит, что Юлечка живая... я и мысли не допускаю... не дай бог!

Она все говорила и говорила, повторялась, плакала, вытирала слезы, шмыгала носом и смотрела на капитана с ожиданием и надеждой.

Капитан угрюмо слушал...

Когда Антонина Бережная ушла, он отодвинул фотографии, сделал несколько глубоких вдохов и утер лоб носовым платком. Потом допил воду, недопитую посетительницей, прислушался к бурчанию в животе.

Идти в кафе ему перехотелось.

Глава 3 «Стеклянные куколки»

– Красивая? – спросил Савелий Зотов у капитана Коли Астахова, выслушав рассказ о визите сестры пропавшей девушки.

– Тебя, Савелий, это не должно волновать, ты у нас многодетный отец. Как там Леопольд, растет?

– Герман! Растет.

– Ну да, Герман. Шутка. Хотя, если честно, Леопольд мне нравится больше. Федор не звонил? Придет?

– Не звонил. – Савелий пожал плечами. Лицо у него было озабоченным.

– Когда ты его видел?

– Я ему звонил позавчера, сказал, что мы собираемся...

– И?..

– Он сказал, что очень занят и не уверен. Пишет статью.

– Ага, пишет он! – саркастически отозвался Коля. – На работу хоть ходит? Или взял академотпуск?

– Ходит, наверное. Знаешь, Коля, я хотел сказать... ты с ним помягче, ладно? У него сейчас трудный период в жизни, не дай бог такое пережить, и мы должны...

– Ты, Савелий, нежный, как старая перечница Иркина тетка! Розовые сопли и уси-пусси. С Федькой потверже надо... вообще, с мужиками. А то, понимаешь, придумал! Помягче! – Коля вытянул губы трубочкой и запищал: – Помягче, облизать, обсюсюкать, стряхнуть пыль с ушей! Да? А вот фиг вам! Ты, Савелий, все не так понимаешь. Любовь! Тьфу! Я ему с самого начала говорил, предупреждал, если она его один раз бортанула, бортанет еще раз. Кто попробовал больших денег, считай, пропал. Да и не любил он ее! И она его не любила.

– Не любил? Ты думаешь, это была ностальгия?

– Чего?

– Тоска по прошлому.

– Может, и тоска. А только не надо класть все яйца в одну корзину, понял, Савелий?

– В каком смысле? – удивился Зотов.

– В смысле, что есть дело, ну и вкалывай, пиши о смысле жизни, проводи семинары, отбивайся от незамужних аспиранток, это твое, а любовь... – Коля скривился.

– А любовь? – с недоумением повторил Савелий.

– Философия и любовь вещи несовместимые, помнишь, он сам говорил? Философу баба не нужна, ему нужна книжка. Чем зануднее, тем лучше.

– А твоя Ирочка? – спросил Савелий.

– При чем тут Ирка? Я же не философ, а наоборот... этот, как его? Который не верит!

– Агностик? – с сомнением подсказал Зотов.

– Ну!

– Но у вас же любовь!

– Ну и?..

– И любовь и работа. Ты вкалываешь и любишь Ирочку.

– А-а-а... – вздохнул Коля. – Черт его знает! Люблю – не люблю... Привычка, Савелий. Как любит говорить Федор: привычка свыше нам дана... Как там дальше?

– Замена счастью она. Это не Федор говорит, это...

– Во-во! – перебил Астахов. – А вообще ученые считают, что любовь рассчитана на два года. Два года любви до гроба, Савелий. И точка.

– А потом?

– А потом суп с домашним любимцем. Потом или привычка, или как в море корабли.

– Только два года? Неужели ты не веришь в любовь?

– До гроба? – Коля заржал. – Конечно, верю! Ах, любовь-морковь!

...Они уютно устроились на своем обычном месте, в углу бара «Тутси», откуда была видна полированная стойка, подсвеченная стенка с сосудами самых фантастических форм и расцветок, и парил в воздухе бормочущий плазменный телевизор. Или попросту плазма. Бормочущая плазма. Внутри этого великолепия, как большая и неторопливая усатая рыба, плавал бармен в бабочке, с полотенцем через плечо, он же владелец заведения, Митрич, старинный друг всей троицы. Время от времени он смотрел на входную дверь, потом переводил печальный взгляд на Колю и Савелия. Федора Алексеева все не было, и Митрич уже сомневался, увидит ли он в обозримом будущем любимого клиента. Он сторал от любопытства, что же там у него произошло, пытаясь выяснять обиняками, но Савелий только скорбно качал головой, как на похоронах, ей-богу, а капитан Астахов бурчал что-то насчет «горя от ума» и любовной дури, которая выходит боком, но никогда никого не учит.

А Федора все не было. Савелий вытащил мобильный телефон, положил на стол. Митрич, рассмотрев из-за стойки телефон, встрепенулся и, выбравшись наружу, поспешил к их столику.

– Что, придет? – спросил он с надеждой.

– Придет, Митрич, не рохай, – успокоил бармена Коля. – Ты что, усы завел? – Астахов присмотрелся к жидким светлым усикам Митрича – такие в народе называют «сопливчиками». – Я и не заметил.

– Да так как-то... – смутился Митрич и махнул рукой.

– Может, влюбился? Ты смотри, Митрич, осторожнее, это дело опасное. Знаешь, какой сейчас прекрасный пол? Акулы!

– Да ладно тебе! Ой! – вдруг вскрикнул Митрич. – Федя!

На пороге зала появился Федор Алексеев в своей знаменитой черной широкополой шляпе, белом до пят плаще, с шеей, обмотанной полосатым черно-зеленым шарфом, он обводил знакомый интерьер взглядом путешественника, вернувшегося из дальних странствий.

– Федечка! – вскочил Савелий. – Пришел! А мы уже заждались!

Федор снял шляпу и поклонился...

... – Эта девушка пропала почти три месяца назад, двадцать девятого августа, – сказал Савелий, протягивая Федору распечатку с фотографией невесты под фатой и в то же самое время пытаясь подмигнуть капитану. Он из шкуры вон лез, чтобы заинтересовать Федора и вдохнуть хоть какой-то смысл в его существование.

– Ты чего? – не понял капитан, приглядываясь к Савелию.

– Сегодня к Коле приходила ее сестра, да, Коля? – продолжал Савелий. – Она принесла эти распечатки из Интернета, говорит, нашла среди них сестру. Но Коля сомневается, да, Коля?

Федор взял фотографии. Рассматривал, откладывал, брал снова. К ним уже спешил Митрич, толкая впереди себя дребезжащий столик на колесах. Федор называл это сооружение колесницей Джаггернаута. Подъехав, Митрич споро перегрузил на стол коньяк и фирменные бутерброды с копченым мясом и маринованным огурчиком.

– О, Митрич! – обрадовался Коля, потирая руки. – Давай с нами! Ох, и накатим сейчас!

– Да я же... а, ладно! За возвращение, Федя!

Они выпили. Взволнованный Митрич прикидывал, не обнять ли Федора, но не решился и убежал, сказав напоследок, чтобы не стеснялись и были как дома. Он вернулся в свой разноцветный аквариум и смотрел оттуда уже не рыбой, а усатым моржом с обгрызенными усами, время от времени утирая слезы полотенцем.

– Что-то наш Митрич совсем сдал, – заметил Астахов, откусывая добрую половину бутерброда. – Сентиментальный стал, разнюнился, как старая дева, точно влюбился. Они же все от этой самой любви дуреют.

– Кто? – не понял Савелий. Ему пришло в голову, что Коля имеет в виду исключительно барменов.

– Мужики!

Савелий бросил испуганный взгляд на Федора и пнул Колю под столом.

– Ты чего, Савелий? Места мало? – недовольно сказал Астахов.

Федор их маневров не замечал, он изучал фотографии. Шестнадцать фотографий. Шестнадцать девушек в костюмах невесты, Красной Шапочки, цыганки и Золушки. Федор разложил распечатки на столе, отодвинув рюмку. Четыре невесты, четыре Красные Шапочки, четыре цыганки и четыре Золушки. Четыре блондинки, четыре рыжеволосые, четыре жгуче-черные и четыре русые. Красивые наряды – пышные белые платья и венки из лилий у невест, пышные юбочки и кокетливые колпачки у Красных Шапочек, обилие монист у цыганок, розовые платья Золушек, руки сложены на коленях, в правой зажат золотой башмачок.

– А может, сайт чужой, – вдруг сказал Савелий.

– В смысле? – не понял Коля.

– Савелий имеет в виду, что это фотоателье работает неизвестно где, не обязательно фотограф из нашего города. Верно мыслишь, Савелий. Но если эта девушка, – он постучал пальцем по фотографии Юлии Бережной, – наша, то это зацепка, хоть и очень слабая. Нужно же с чего-то начинать. А что вы уже сделали? – Он поднял глаза на Астахова.

– Мы сделали все! Опросили родственников, соучеников, соседей, с кем встречалась, с кем общалась, дружила – всех рассмотрели под микроскопом. Выпустили листовку с фотографией, показали в вечерних новостях. Ничего! Как под землю провалилась. Сестра ходила каждый день с новыми идеями...

– И с тех пор никто девушку не видел? – переспросил Савелий.

– После двадцать девятого августа никто. Позвонили несколько озабоченных граждан и пара психов – якобы встретили где-то в пригороде или в ресторане, но оказалось туфта. Юлия Бережная ушла из дома в техникум, она училась на юридическом, в восемь утра, была на занятиях до двух, сказала подружке, что идет в кафе выпить кофе, и все. Исчезла. В три у них было собрание, она не пришла. Мобильник не отвечал, выключен с тех пор. Была ли она в кафе, персонал не помнит, от этих студентов и так голова кругом, куда уж запоминать. Может, и была. А может, не в тот день. Подружка плачет, говорит, если бы пошли вместе, то ничего бы не случилось...

– ДТП поблизости?

– Не было, проверили. А также больницы, морги, сад при техникуме... у них старинный сад, там такие джунгли, не продерешься. Катакомбы.

– Что она за человек? – спросил Федор.

– Обыкновенная девчонка, девятнадцать лет. Жили вдвоем с сестрой... вот та настоящая... – Коля замялся, – ...наседка. В смысле, суетится, много говорит, плачет, руками размахивает, аж в глазах мельтешит. Все время повторяет одно и то же. Работает воспитательницей в детском садике. Мать была участковым врачом... работа собачья. Умерла от сердечного приступа прямо во время вызова к какому-то алкоголику. Вот так. Младшей было тогда четыре года. Отец спился и через пару лет тоже умер. Была бабушка. Еще вопросы?

– Бедные девочки, – вздохнул сердобольный Савелий. – А что же теперь делать?

Ему страшно хотелось спросить, жива ли еще девушка, как они думают, исходя из своего опыта, но он побоялся. Сообразил спросить иначе:

– А есть статистика... возвращений?

– Статистика есть, и возвращений, и невозвращений, Савелий, – сказал Коля. – За последние пять лет у нас в городе пропало восемнадцать женщин. Вернулись домой, погуляв, семь. Три заявления забрали обратно; еще два подали по ошибке, поспешив, а одно – дурная шутка: муж отомстил жене, попросив объявить ее в розыск, хотя прекрасно знал, где она. С ним провели работу. Остаются пять, о них до сих пор ни слуху ни духу. Включая Юлию Бережную. Причем все пять за последний год с небольшим.

– Статистика говорит, что исчезают больше весной или осенью, больше мужчины, чем женщины, – примерно в два раза, а одна треть подростки, – заметил Федор.

Савелий открыл рот, но сказать ничего не успел, так как Федор предупредил его вопрос:

– Большинство из них находят, Савелий. Или сразу, или через месяц, а то и через несколько лет. Всякое бывает.

– Но почему? – Савелий все-таки спросил.

– Что почему?

– Почему они исчезают? Что с ними случается?

Николай и Федор переглянулись.

– По-всякому, Савелий, – сказал после паузы Федор. – Аварии, потеря памяти, становятся жертвами грабежа или насилия... Бывают случаи, когда люди уходят сознательно, жизнь достала или хвост длинный – вот и рубят концы. Или родные не дают дышать и заниматься любимым делом. По-всякому, – повторил он. – Алкоголики, наркоманы...

– А их ищут?

– Ты же слышал, Коля тебе все расписал.

– А эта девочка, Юлия Бережная? Коля говорит, искали, но не нашли, и теперь уже не будут искать?

– Ее ищут, Савелий. Фотографии расклеены в общественных местах... ты же слышал.

– И все?

– А что бы сделал ты?

– А вот это? – Савелий взял фотографию Юлии. – Не поможет?

– То, что их так много, хорошо, – заметил Федор.

– Почему? – не понял Савелий.

– Потому что больше вероятность, что они живы. Работает подпольный... кстати, а что они предлагают? Интим-услуги?

– Они ничего не предлагают, и контактных данных нет, – сказал Коля. – И вообще сайт прикрылся. Последний выход в эфир имел место десятого сентября, через две недели после исчезновения Юлии. Подозреваю, выставили ее фотографию. После чего с концами.

– А почему «стеклянные куколочки»? – спросил Савелий. – Что это значит?

– По кочану! – сказал капитан. – Куклы и куклы! А стеклянные, деревянные, красные или зеленые... не суть. Куклы, куколочки... Действительно, куколочки! – Он взял несколько фотографий, всмотрелся. – Правда, какие-то квелые... – Он покрутил головой.

– Живости мало, – подсказал Федор. – Согласен, игривости не хватает. Обычные девушки.

– Вот именно. Сразу видно, не профессионалки – те и живость тебе, и игривость изобразят в лучшем виде. Мозгов у этих девиц меньше, чем у курицы. Странно, что их такая прорва, такую ораву не спрячешь. Я думаю, они уже за пределами города.

– Может, начинающий фотограф тренируется? Пообещал им звездную жизнь, они и побежали, – предположил Савелий.

– Может, все может быть, – буркнул Астахов. – Они же все как с ума посходили.

Коля насупил, вспомнив гражданскую жену Ирочку, которая сожгла его любимую рубашку. Рубашки он обычно гладил сам во избежание, махнув рукой на мужскую гордость, но накануне они поссорились, а сегодня утром помирились, и Ирочка на радостях сказала, что

погладит ему рубашку, а он, дурак, расслабился, потерял бдительность и забыл, с кем имеет дело. Ну и вот... погорел.

Ирочка, хорошенькая молодая женщина небольшого роста, работала «старшим куда пошлют», как ехидно называл ее должность капитан, у культового кутюрье Рощенко, Рошика для своих. И секретаршей, и костюмером, и даже курьером. Правда, и на подиум ее иногда выпускали, и Рошик очень ее хвалил. Ей бы росточку добавить, и тогда карьера модельки была бы у Ирочки в кармане, но, увы, не обломилось. Но Ирочка не унывала. Характер у нее был жизнерадостный, а потому Колины занудные выволочки она пропускала мимо ушей. Обоих это устраивало, по-видимому. Хотя... Хотя необходимо заметить, что рядом с собой в мечтах, если можно так выразиться, капитан видел другую женщину, настоящую подругу – мудрую, любящую, с озабоченным лицом. Он представлял себе, как после сложной полицейской операции по задержанию особо опасной личности он возвращается домой, зная, что она не спит, стоит у окна, кутаясь в шаль, не сводя печального взгляда с пустой улицы. Он входит, она выбегает в прихожую, в глазах ее слезы облегчения. Он валится на диван, она снимает с него сапоги, говорит, я сейчас, и бежит в кухню. Возвращается и зовет его ужинать, но он уже спит. Она стоит над ним, качая головой, в глазах ее любовь и слезы счастья. Потом она накрывает его пледом и садится в кресло рядом, не сводя с него любящего материнского взгляда...

В этом месте Колина фантазия давала сбой, и он вспоминал, что диван короткий и неудобный, и если по неосторожности проведешь на нем ночь, то потом полдня ходишь, повторяя фигурой его изгибы, и с деревянной шеей и что он храпит, как бегемот на водопое, по выражению Ирочки. «Почему на водопое?» – цеплялся Коля, которого раздражали дурацкие сравнения подруги, часто не имевшие ничего общего со смыслом. Так я вижу, отвечала важно Ирочка. Да и сапог он тоже не носит.

Когда Астахов возвращался домой после... неважно, просто поздно, в квартире стояла вонь какой-то химической дряни, а Ирочка увлеченно красила ногти в разные цвета и махала в воздухе пальчиками, и ее пальчики напоминали огрызки цветных карандашей. На столе перед ней стояли разноцветные пузырьки, оглушительно воняющие. При виде насупленной Колиной физиономии она вскакивала и вскрикивала: «Ой, как ты меня напугал! Давай быстренько чисть картошку, я сделала котлеты!»

В голове человека живет красивый идеал, а действительность диктует свое, в смысле, вносит коррективы. Мудрецы стаскивают идеал на землю, мудро усмехаясь – на то они и мудрецы, а мечтатели... Да ради бога! Мечтайте на здоровье! А вообще, жив-здоров, ноги-руки целы, нигде не колет – не болит, любимая работа есть, друзья, подруга, дом... какого рожна? Печальную, всепрощающую, закутанную в шаль женщину у окна вместо взбалмошной Ирочки? А не надоест, как в одной бардовской песне, – «любить усталые глаза»? А тут как чертик из коробочки Ирка, женщина-сюрприз, каждый день что-нибудь новенькое!

Трио друзей было надежным, спетым и взаимопонимающим. Капитан Николай Астахов – опер из убойного отдела, человек суровый, пессимист в большей степени, чем оптимист, поскольку знаком с изнанкой жизни и не ожидает от нее ничего путного; Савелий Зотов – главный редактор отдела дамских романов издательского дома «Арт нуво», человек наивный, оторванный от изнанки жизни, счастливо женатый, отец двоих детишек – Настеньки и Лео... тьфу ты! Германа; и Федор Алексеев, бывший коллега Коли, тоже капитан, ныне преподаватель философии в местном педагогическом университете. Человек, сменивший «военный мундир на академическую тогу», по его собственному выражению. Федор вдумчив, любит мыслить, расставлять все по полочкам, по ночам пить кофе литрами и решать всяческие исторические ребусы и загадки; он также часто высказывает предположения, которые не лезут ни в какие ворота, как считает Коля, – плоды ночных бдений. А Савелий у него на подтанцовке, тоже как ляпнет, так хоть стой, хоть падай. Но, если честно, что-то в ляпах Савелия есть, нужно только истолковать их правильно, в чем поднаторел Федор. Капитан держит их в курсе происходящих

в городе криминальных событий, они их обсуждают, собираясь «на точке» – в излюбленном баре «Тутси», где хозяином добрый старик Митрич. Федор рассуждает насчет версий, Савелий вставляет свои два гроша, а капитан хватается за голову и кричит, что идеи их абсолютно дурацкие, потому что... дурацкие и не лезут в ворота. Ни в какие. Но тем не менее, тем не менее...

– Может, и побежали, – заметил Федор в ответ на предположение Савелия о том, что некий фотомастер пообещал девочкам звездную жизнь, вот они и побежали. – Но куда после этого делись? Почему порвали с родными? Почему молчат?

Савелий открыл было рот, но Коля поспешно сказал:

– Чего-то пересохло в организме, не к добру. А не накатить ли нам, други? Леопольд растет, Федька оклемался, на человека стал похож, даже Митрич и то усы отрастил. А мы как канадские лесорубы, о работе и о работе.

– Герман, – поправил Астахова Федор.

– Ну да, Герман. Поехали!

Но Савелий все-таки спросил – когда они выпили.

– Я все-таки не понимаю, – начал он, запинаясь, – если пропавших девушек пять, а здесь шестнадцать, то... как же так?

Николай и Федор снова переглянулись. На лице капитана появилось выражение как будто его донимают зубы, но он ничего не сказал, только махнул рукой.

– Савелий, тот факт, что наша Юлия в обеих группах – с куклами и с пропавшими девушками, – вовсе не значит, что все шестнадцать стеклянных кукол пропали, понимаешь? – принялся объяснять Федор. – Может, пропала только одна из них, Юлия, а остальные живы-здоровы и ходят на работу. Это разные группы, Савелий. И далеко не факт, что это, – он ткнул пальцем в фотографию невесты, – Юлия Бережная. Сестре могло показаться, как ты понимаешь. Кстати, – повернулся он к Коле, – а вы...

– Может, хватит на сегодня? Приходишь к Митричу культурно провести время, узнать городские новости и расслабиться, а покоя и тут тебе никакого. Конечно, сравнили, не дураки. Никого из пятерки среди кукол нет.

Но, как оказалось впоследствии, капитан ошибался.

Глава 4

Федор Алексеев и плачущая девушка

Он позвонил. Внутри раздались торопливые шаги, лязгнули замки, и дверь распахнулась. На него с криком «Юлечка» вылетела девушка в цветастом халатике. Увидев Федора, она замерла и уставилась на него испуганными серыми глазами.

– Извините, что без звонка, Антонина Васильевна, – поспешил Федор. – Меня зовут Федор. Федор Алексеев. Я коллега известного вам капитана Астахова.

Как правило, Федор скромно умалчивал о том, что он бывший коллега капитана Астахова. Исключительно для пользы дела, да и то только вначале – потом, рано или поздно, правда обязательно выплывала, – но к тому времени между Федором и свидетелем уже устанавливались доверительные отношения.

– Да, да, конечно! Я думала, это Юлечка. Проходите, пожалуйста. Даже в глазок не посмотрела...

Федор разместился на диване в гостиной и с любопытством огляделся.

– Есть что-нибудь новое, да? – Хозяйка с тревогой и надеждой всматривалась в его лицо. – Вас капитан Астахов прислал?

– Пока нет, Антонина Васильевна. Я пришел поговорить о вашей сестре... с вашего позволения.

– Можно Тоня. Я сейчас!

Она выбежала из комнаты; хлопнула дверь в глубине квартиры. Пока ее не было, Федор рассматривал гостиную. Светло, уютно, очень по-женски. Бежевые гардины, желто-зеленый ковер на полу, нарядная полированная горка с хрустальными вазочками и пестрыми чашками. Много живых растений на окнах – он узнал герань, пышную, с ярко-красными цветками, и еще лиловые и розовые фиалки.

Девушка вернулась минут через десять, в джинсах и белом свитерке, подкрашенная и причесанная, уселась напротив, уставилась на него выжидательно.

– Извините, что я без звонка, – повторил Федор.

Он намеренно не стал звонить, ему хотелось захватить ее в естественном состоянии, так сказать. Естественное состояние может много сказать о человеке. Несвежий халат, торчащие патлы, неумытая физия – это одно, а хорошенький халатик, аккуратная головка и ясные глаза – совсем другое. У Тони были ясные глаза, серые, ожидающие, готовые распахнуться от радости. А теперь еще и белый свитерок. Воспитательница, вспомнил Федор. Действительно, воспитательница, а ребятишкам повезло.

– Ну что вы! – воскликнула она, покраснев. – Я рада, что вы пришли. Знаете, я ночью не сплю, прислушиваюсь к лифту, а вдруг это Юлечка! И на каждый звонок бегу открывать, даже не спрашиваю кто, боюсь услышать чужой голос. Когда мы остались одни, Юлечка была совсем маленькой, я заплетала ей косички. Я не могу поверить... Соседка рассказывала, что участковый говорил во дворе, что она уже, что ее... – Тоня всхлипнула и закрыла лицо руками. – А я знаю, что она живая, чувствую вот здесь, – она ткнула себя кулачком в грудь. – Если бы ее не было, я бы почувствовала, понимаете? Мы с Юлечкой очень связаны. Я вам сейчас покажу наши альбомы! – Она вскочила.

Альбомы! Федор вздохнул – семейные альбомы производили на него удручающее впечатление, он принципиально не ходил в те дома, где совали гостям семейные альбомы, но сейчас деваться было некуда, и он покорился – для пользы дела.

Тоня принесла громадный альбом с застешками, положила на журнальный столик, присела рядом с Федором. Открыла и стала объяснять. Это мамочка, это папочка, это девочки с

мамочкой – Юлечка и она, Тоня, это Юлечка в школе, на утреннике, в парке, в кафе, это детсадовские детишки, младшая группа, средняя группа, старшая. Снова Юлечка... И так далее. У Федора зарябило в глазах. В этой семье уважали традиции и фотографировались по любому мало-мальски значимому поводу. Он выдержал до конца, а в конце даже заинтересовался. Славные девочки. Тоня приятная, и Юлия тоже хорошенькая. В костюме Кармен, в бальном платье, в вечернем платье... Кармен? Похоже, бал. Немолодая тощая дама с жилистой шеей, в трико и коротенькой юбочке, стоит на одной ноге, другая отведена в сторону; носочек вытянут, головка навскидку, взгляд орлиный. Напоминает цаплю.

– Это Юлечкина школа танцев «Конкордия»! Юлечка несколько лет занималась танцами. Знаете, это так развивает, я так радовалась. А это их руководитель, заслуженная балерина Стелла Гавриловна, необыкновенная женщина! У них и смотры, и поездки, и конкурсы...

Федор вспомнил фотографию девушек в костюме цыганки. Ассоциация напрашивалась сама собой.

– Юля посещала школу до... – Он запнулся, но тут же нашелся: – До недавнего времени?

– Нет, она бросила год назад. Я так просила, даже плакала, но знаете, как это бывает, она сказала, что переросла, что все. Другие интересы.

– Антонина Васильевна...

– Тоня, пожалуйста! – перебила она, вспыхивая. Она легко краснела, легко плакала, смотрела с надеждой и ловила каждое его слово.

– Тоня, я буду спрашивать... может, вам неприятно, но это важно.

Она дернулась возразить, но Федор остановил ее жестом.

– Тоня, у Юли был мальчик? Молодой человек?

– Ну что вы, какой молодой человек! Никого у нее не было. Юлечка училась, занималась танцами, встречалась с подружками. Знаете, какая нагрузка на юридическом?

Не встречалась ни с кем или сестра не в курсе. Федору было прекрасно известно, что родные плохо знают своих детей – выдумывают себе образ и считают, что знают. А потом удивляются. Старшие сестры тоже мало знают младших сестреночек...

– Почему Юля бросила танцы? Что-то случилось? Кто был ее партнером?

Тоня пожала плечами:

– Нет! Просто бросила. Стало неинтересно, выросла. Она почти три года танцевала с Леней... забыла фамилию, но он женился полтора года назад и бросил. Были какие-то случайные партнеры, а потом Юлечка тоже бросила.

– У нее с этим Леней...

– Ну что вы! – Тоня невольно рассмеялась. – Он же клоун! Его никто и всерьез-то не принимал, даже удивлялись, что нашлась девушка...

– Кто он по профессии?

– Что-то с компьютерами, кажется.

– Вы знаете всех ребят из школы?

– Там не только ребята, там и взрослые люди. С Юлечкой один раз на улице поздоровался такой весь из себя солидный дядечка, лет сорока, я потом спросила, кто такой, а она ответила, танцует у них. И еще одного я встречала в мае на пляже, Юлечка еще шутила, что он положил на меня глаз. Спокойный, молчаливый, костер мигом разложил, из тех, что на все руки... – Тоня вздохнула. – Такой день был замечательный, река, солнце! Мы пили вино, много смеялись... Знаете, я сейчас понимаю, это было счастье. Они все как одна семья, хотя очень разные... Стелла Гавриловна сумела их объединить, у нее талант воспитателя. Она такой необыкновенный человек! Необыкновенная женщина.

– А среди друзей Юли были художники или фотографы? – спросил Федор.

– Нет, по-моему. – Она задумалась.

Федор ждал. Тоня покачала головой:

– Вряд ли, Юлечка сказала бы.

– Скажите, Тоня, а в поведении Юли что-то изменилось за последний год? Она бросила танцы... Может, еще что-то? Подумайте! Стала иначе одеваться, краситься, сменила духи. Стала больше смеяться или, наоборот, стала раздражительной, рано уходила к себе, говорила, что устала?

Девушка завороченно смотрела на Федора, раздумывала. Потом покачала головой:

– Ничего такого не было. А вы что, думаете...

– Я не знаю, Тоня, я бью наугад. Она не упоминала, что хотела бы уехать, начать новую жизнь, стать великой актрисой или моделью?

– Нет, ну что вы! – Тоня даже рассмеялась. – Какая модель! Юлечка у нас отличница, она хотела стать юристом.

– Она часто задерживалась после занятий? Приходила поздно вечером?

– Почти никогда. Юлечка домоседка. Мы ужинали, смотрели телевизор, потом она сидела в компьютере, у нее много друзей в сетях.

– Понятно. – Федор вытащил из папки кейс с фотографиями, все шестнадцать, разложил на журнальном столике. – Тоня, посмотрите еще раз. Вы уверены, что это Юля?

– Уверена! Я уже говорила!

– Посмотрите внимательно, Тоня. Может, вам знакомы другие девушки? Не торопитесь. Она нахмурилась, даже губу закусил от напряжения.

– Вот эта и эта... кажется. – Она взяла фотографии цыганки и Золушки. – Мне кажется, я их где-то уже видела.

– Не можете припомнить, где?

Тоня снова задумалась, перебрала фотографии. Наконец покачала головой:

– Нет.

– А из этих? – Федор положил перед ней фотографии пяти пропавших девушек из Колинского списка.

– Кто они?

– Эти девушки пропали за последний год.

Она жадно рассматривала фотографии. Потом покачала головой:

– Нет, никого не знаю.

– Я хотел бы увидеть Юлин компьютер. Он у вас?

– Его забирали в полицию, а потом вернули. Конечно, смотрите. Он в Юлечкиной комнате.

– Можно взглянуть?

Она поднялась.

... Федор с любопытством рассматривал комнату пропавшей девушки. Мохнатый зверек – похоже, хомяк, в розовом платьице, очень смешной; фотографии хозяйки с сестрой и подружками в разноцветных рамочках; письменный стол с компьютером; деревянная фигурка Будды, серебряный бокал на высокой ножке, из которого торчали карандаши и ручки; керамическая вазочка со всякой мелочью вроде скрепок, пилочки для ногтей, шипастой морской ракушки и разноцветных бусинок. Он выдвинул ящик стола. Там была толстая красная тетрадь с надписью «Дневник. Посторонним вход воспрещен!!!» Федор невольно улыбнулся. Взглянул на Тоню, она кивнула. Федор взял тетрадь...

– Может, кофе? – спохватилась девушка. – Я не подумала... совсем голова плохая стала. Хотите? Или чаю?

Федор уже пил кофе, он бы с удовольствием позавтракал... ну что-нибудь вроде яичницы или парочки бутербродов, но, посмотрев на девушку, нахмурился и соврал озабоченно, что он бы с удовольствием, но, увы, важная встреча, нужно бежать. Девушка была славная, и ему не хотелось... как бы это поточнее выразиться? Не хотелось подавать ей надежду. Как-то так.

А то начнутся приглашения на ужин, звонки, ванильное печенье, забота, готовность гладить рубашки и стирать носки, умоляющие заплаканные глаза. Нет уж! Знаем, проходили. Почему вспомнилось именно ванильное печенье? Имел место в жизни Федора некий эпизод с этим печеньем, на которое он с тех пор смотреть не мог.

Он ушел, унося с собой дневник и компьютер Юлии...

...Ничего интересного и полезного Федор там не нашел. Девичья болтовня, расписание уроков, подготовка к семинарам, десятки закладок: от косметики и светских сплетен до всяких «Как быть любимой», толкования снов и гадания...

Глава 5

Что говорят профи

*Как лететь с земли до звезд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар, –
Знает доктор наш Гаспар...*

Ю. Олеша. Три толстяка

Недолго думая, Федор Алексеев позвонил знакомому, дипломированному фотографу Ивану Денисенко, от души надеясь, что тот дома и в приличном состоянии. Иван, как всякий нормальный художник, время от времени впадал в тоску и от безысходности бытия и несовершенства мира начинал пить. Мастер он был от бога, с именем не только в родной стране, но и за пределами, казалось бы, живи да радуйся, ан нет – душа творца время от времени требовала драйва, надрыва, вопля и перезагрузки. А то и драки с выбросом тел из окна. Всякое бывало.

Федору повезло – Иван был дома и, похоже, в приличном состоянии. Правда, Федор его разбудил.

– А? Что? Алексеев? – забормотал Иван спросонья. – Федя, ты?! Дружище! Который час? Двенадцать? Уже? Да ты чего? Во, елки-палки, время бежит! У меня вчера тут ребята погудели, то есть мы вместе... нормально так, без булды, даже ментовку не вызывали. Дружбан женится, и мы, так сказать, в последний путь. Ты где? Рядом? Так чего же ты, разбойник! Давай сюда! Жду. Да, кофейку захвати, придурок Гошка высыпал вчера с балкона. Давай!

Он распахнул дверь – здоровенный растрепанный детина с красной физиономией, в одних трусах, босой, – и с ревом бросился Федору на шею.

У Федора имелись самые разные знакомства, в верхах и низах, причем в таких низах, что капитану Коле Астахову и не снилось. Недаром Федор философ, а философы относятся к жизни и людям философски, не встречают по одежке и обо всех имеют собственное суждение, невзирая на репутацию.

С Денисенко они пересеклись пару лет назад на персональной выставке Ивана, и Федор подошел к художнику, чтобы выразить свои чувства. Выставка ему понравилась. Она была необычной. Фотограф представил сотню работ, черно-белых, в традициях цеха, и довольно необычных – корявые одичавшие деревья, полуразрушенные убогие хибары, перекошенные ступеньки, резные наличники и ставни и, главное, двери! Низкие, не открывавшиеся добрую сотню лет, резные, с клямками, засовами, навесными замками, грязные, в паутине... Было в них что-то запредельное и невыносимо печальное – они словно застряли во времени. Федор ничего подобного никогда не встречал, ему и в голову не приходило, что подобная тема может вызвать чей-нибудь интерес. А художник увидел и заинтересовался. Выставка называлась «Прощание» и взяла главный приз на показе в Торонто; красной нитью, как понял Федор, там проходила философская мысль о бренности всего сущего. Он смотрел на Ивана Денисенко в толстом белом свитере и джинсах, с бокалом шампанского в руке, на красную его рожу и не мог поверить, что этот жизнерадостный гигант *так* чувствует...

– Подыхаю, хочу кофе! – сообщил Иван, и Федор протянул ему торбу из «Магнолии». – Ура! – обрадовался Иван и пошлепал в кухню, бросив на ходу: – Проходи, Федя, падай. У меня, правда, не комильфо... сейчас бутылки собираю.

Федор прошел, осторожно уселся на диван и осмотрелся. Действительно, не комильфо. Беспорядок у Ивана в гостиной стоял страшный. Не беспорядок, а разгром: раскатившиеся по углам пустые бутылки, перевернутые стулья и диванные подушки на полу, а довершали картину оторванная штора и захватанные стаканы на журнальном столике.

Иван прибежал из кухни с пластиковым мешком, заметался, собирая бутылки. Потом прибежал снова, сгреб грязные стаканы; смерил взглядом оторванную штору, подумал и махнул рукой. Федор подобрал с пола подушки.

По квартире распространился волшебный запах кофе. Иван прибежал в третий раз, уже одетый, в джинсах и растянутой неопределенной расцветки футболке, с кофейником. Определил кофейник на журнальный столик и крикнул:

– Федя, доставай чашки из серванта, парадный сервиз! У нас гости! – И снова убежал.

Появился с подносом бутербродов, плюхнулся рядом с Федором. – Все! Давай по кофейку!

Федор разлил кофе. Иван потянул носом, зажмурился и застонал от наслаждения.

Они пили кофе; Ивана повело на философское осмысление бытия и поговорить «за жизнь».

– И чего мы мечемся, как чумные? – спросил он, глядя в потолок. – Чего надо-то? Творчество, кофе, друзья! Тяпнуть иногда и поговорить о превратностях бытия!

Федор вспомнил, что примерно так же любит говорить капитан Астахов, и усмехнулся.

– Ты как, Федя? Не женился? Редуют ряды, вон Павлика вчера пропили и проводили... – Иван закручинился.

– Пока нет. А что, невеста не нравится?

– Да нет, невеста как невеста, ничего, я в принципе с общечеловеческих позиций. Понимаешь, Федя, Павлик – режиссер, художник, а художник должен быть один, это я тебе точно говорю. Я пробовал несколько раз, погорел. Творческая личность должна быть свободной, понял? А визги, пригоревшая вонь, дурные претензии, шмон по карманам и в мобиле... Нет уж, увольте! Художник заряжается от улицы, шалмана, случайной встречи, ночного трепа... Неважно, ты его давно знаешь или только что встретил, и он бомж, но с тобой на одной волне, понимаешь? Даже махаловка! Обнажается твоя суть, вся цивилизация соскакивает как короста, и ты предстаешь в чистом виде, как природа тебя вылупила миллион лет назад, и неважно, кто ты – обезьяна или уже хомо сапиенс прямоходящий!

Иван вскочил и стоял перед Федором, говорил бурно, даже кричал и размахивал руками – видимо, наболело.

– Ни боли, ни мыслей, одна страсть – достать суку! Вцепиться в горло! Это же... до разрыва сердца, понимаешь? И вот, идешь ты домой после... после... даже обезьянник в ментовке! Там такие персонажи! Не поверишь! Бывал?

– Не довелось, – сказал Федор.

– Для художника очень важно. И там вдруг ты видишь свою новую тему, вылупляется в голове – «Человек со дна», «Ночная улица»... даже «Драка»! И такие испуганные рожи! Или вот еще, «Свалка»! Вдохновение, блин! Поэзия! Отжившие предметы, выброшенные и выпотрошенные! Не нужные, понимаешь? Вот где трагедия. Открываешь дверь родной хаты, не чуя худого, а там тебя уже ждет... инквизиция. В халате, морда как из японского театра и включает электропилу, и все твои идеи и восторги к черту! Стоишь дурак дураком и понимаешь, что ты не венец создания, а старый толстый мятый жлоб с выбитым зубом. Тебя стаскивают на землю, и ладно бы стаскивают, так нет же! Втаптывают! И ты уже не художник, а дерьмо! Блазень! Прекрасный пол, тьфу! – Иван выразительно плюнул и махнул рукой. – Но, с другой стороны, женщины, конечно, вдохновение! Этот поет... как его? Синатра! Стрейнджерс ин зе найт... ля-ля-ля-ля-ля! – пропел он фальшиво. – Ты смотришь на нее, между вами искра, а твоя половина виснет камнем и сразу претензии. Художник я или не художник? Если художник, то имею право. Я говорил Павлику, а он ни в какую! Любовь! – Иван снова махнул рукой и рухнул на диван рядом с Федором. – Вот так, Федя, и живем. А ты спрашиваешь, почему я один. Вот потому.

Ни о чем таком Федор не спрашивал, но Ивану хотелось излить душу понимающему человеку.

– Кстати, о художниках, – сказал Федор после паузы. – Ты своих коллег по цеху хорошо знаешь?

– Ну, в курсе, а как же, – сказал, подумав, Иван. – Есть парочка, ничего работают. А что? Кто нужен?

– В том-то и дело, что не знаю. Есть ряд снимков без подписи, надо бы узнать, кто автор. Определишь по почерку?

– С собой? – деловито спросил Иван. – Давай! Ну-ка, ну-ка.

Федор вытащил распечатки, протянул Ивану:

– Тут шестнадцать девушек... Если сможешь, помоги. Сайт закрылся, найти концов нельзя.

– «Стеклянные куколки»? Шестнадцать девушек? – повторил Иван, перебирая фотографии. – Интересно, интересно...

Он рассмотрел каждую фотографию, морщился, вздыхал, вздергивал брови. Потом разложил по четыре, точно так, как Федор, потом перетасовал и снова разложил. Взглянул на Федора:

– Вот так!

Иван разбил фотографии на все те же четыре группы, но уже иначе. Теперь в каждой были не четыре одинаковых персонажа, а лишь по одному. Одна невеста, одна цыганка, одна Золушка и одна Красная Шапочка.

Федор поднял глаза на Ивана.

– Не врубил? – спросил тот радостно. – Подсказать?

– Подожди! Я сам. – Через долгую минуту Федор спросил: – Ты уверен?

– Стопудово! Даже не сомневайся, это все одна девушка в разных костюмах, в смысле, в каждой колоде. Понимаешь, не шестнадцать, а всего четыре! Неужели сам не допер? И опера не врубились? – Он потер руки и радостно захохотал. – Шестнадцать – это нереально! Четыре, пять, шесть – потолок. Дальше получается базар, ты не способен удержать их в голове и рассмотреть. Не нужно так много, понимаешь?

Путано, но убедительно.

– Не допер, – признал Федор. – Черт! Действительно. Ну, Иван, буду должен. Если еще наведешь на художника...

– Да какой он художник? – фыркнул Иван. – Салага! Камеру в руках держать не умеет. А грим вообще ужас! И свет. А что за история?

– Понимаешь, пропала девушка, пару месяцев назад. Никаких следов, и вдруг сестра этой девушки увидела в Интернете сайт и узнала ее на фото. Вот эта. – Федор взял фотографию Юлии в белом платье. – Но мы не уверены, она тут в гриме и фата закрывает... Она узнала сестру только на одной фотографии, а ты рассмотрел, что фотографий четыре. То есть я хочу сказать, что она может ошибаться. Вообще, странные фотографии, девушки какие-то сонные, видимо, автор действительно дилетант...

– Стоп! – скомандовал Иван. Он снова принялся рассматривать фотографии, даже подошел к окну. Нахмурился, выпятил губы трубочкой, загудел какой-то мотивчик и, наконец, сказал неожиданно серьезным голосом, без обычного ерничества: – Не хочу тебя пугать, Федя, но они не сонные. Они не сонные, Федя, они... они неживые. В смысле... – Он запнулся. – Или обколотые. Понимаешь, полная статика, так не бывает. И глаза пустые.

– Что?! – Федор вскочил, подбежал к окну. – Ты уверен?

– К сожалению, уверен. И название «стеклянные» в этом смысле вроде намек. Ну, урод! – вдруг закричал он, потрясая кулаком. – Так хорошо было, так хорошо сидели и на тебе! Четырех девок замордовал, душегуб! Передел и сделал фотки! – Иван выругался.

Они смотрели друг на друга.

– Подожди, подожди, а ну, взгляни на этих! – Федор поспешно вытащил фотографии пяти пропавших девушек из Колиного списка. – Кто из них на сайте? Может, узнаешь?

Иван присмотрелся.

– Могу. Вот эта и эта.

Это были Олеся Ручко, секретарша из мэрии, пропавшая четвертого мая, и Евгения Абрамова, менеджер гостиницы «Братислава», пропавшая не то в первых числах января этого года, не то в конце декабря прошлого. Жила она одна, а потому никто сразу не хватился, и точную дату определить не удалось.

– И еще, Федя. Вот, смотри, эта... ты сказал, Юлия, у нее другое платье! Три Золушки в одинаковых розовых платьях, а Юлия в другом. Тоже розовое, но другое. Рукава короче и вырез не круглый, а овальный. Я эти вещи сразу секу, насобачился снимать моделек.

Личность четвертой девушки с сайта куколок оставалась неустановленной.

* * *

– Так это что, они... Он их... О господи! – пролепетал Савелий. – Бедные! Да как же это? Ты говорил, Федя, они возвращаются...

Они снова сидели у гостеприимного Митрича, но настроение было на нуле и радости от встречи не наблюдалось. Капитан Астахов запаздывал – авралы, ненормированный рабочий день, стрессы и перегрузки. Он влетел в заведение, на ходу стаскивая куртку, плюхнулся на стул, не отдышавшись, выпалил:

– Ну что там у тебя? Опять философия?

Он так спешил, что забыл поздороваться, и было видно, что приготовился он к худшему.

– Добрый вечер... – сказал Савелий и осекся.

– Что? Не томи душу, философ! – Астахов перевел взгляд с Федора на знакомые снимки, разложенные на столе.

– Я был у Ивана Денисенко, – сказал Федор.

– У этого пьяницы? – Коля ошетинился, предчувствуя неприятные новости.

– Неважно. Это не шестнадцать девушек, Коля, а всего четыре. Четыре. Тоня узнала сестру только на одной фотографии – грим, парики, необычные костюмы, немудрено, что и мы не сообразили.

– Четыре? Дай! – Капитан схватил фотографии. – Ну... смотрели же, козлы! Смотрели! Ну я вас! Профи называются!

Выражался капитан изобретательно и от души. Савелий отвел глаза – он не выносил ненормативной лексики. Федор молчал.

– Еще сюрпризы? – спросил Астахов. – Что?

– Он узнал среди куколок двух девушек из твоего списка – Олесю Ручко и Евгению Абрамову.

Они молча смотрели друг на друга.

– Три пропавшие девушки... – пробормотал Савелий. – Какое горе для родных...

– Все? – спросил капитан.

– Нет. Иван считает, что они... Помнишь, ты сказал, что они как неживые, помнишь? Нет живости, сонные...

– И что? Ты хочешь сказать... Что ты хочешь сказать?

– Вполне вероятно, что они мертвы, Коля. Иван считает...

– Иван для меня не авторитет! – Астахов бухнул кулаком по столу.

– Отдай криминалистам, пусть посмотрят еще раз. Хотелось бы, чтобы он ошибался. Кроме того, у Юлии другое платье, Иван заметил. Тоже розовое, но другой дизайн.

- И что? – спросил Савелий. – Какая разница?
- Не знаю, какая. Может, никакой. Ад информандум.
- Чего? – не понял капитан.
- Заметка для информации. На первый взгляд видно, но у Ивана глаз алмаз.

Митрич наблюдал за ними издали и переживал, понимая, что произошло что-то из ряда вон. Улучив момент, когда троица замолчала и сидела с каменными лицами, он поспешил к столику с коньяком и бутербродами...

Глава 6

Погружение в ночь

*Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карнизу.*

Георгий Иванов. Лунатик в пустоту глядит...

...И тогда занялся философ Федор Алексеев своим любимым делом. А любимым его делом были ночные бдения над интересной задачей, философской или исторической, а в данном случае криминальной, плюс кофе из странноватой на вид керамической кружки, снаружи мрачно-шершавой и с потеками, а внутри атласно-гладкой и розовой, как ракушка каури.

Федор любит окружать себя необычными предметами, они стоят на большом письменном столе в определенном порядке, как тринадцать слоников на комод в старых домах. Но это не слоники, и их не тринадцать, а всего три – магическое число, образ абсолютного совершенства, приносящего удачу. А также символ мужского начала. Слабость, скажете? А кто без греха? Известно, что маленькие слабости украшают жизнь.

Три необычных предмета – на них с удовольствием останавливается взгляд. Танцующий бронзовый Шива из Индии, черный, корявый, не обладающий сувенирным лоском, сработанный в примитивном горне; красно-медный Анупис, покровитель мертвых, с головой шакала, из Египта; и любимая вещица Федора – бронзовая танцовщица из мастерской модерниста Чипаруса – милое личико, тонкие ручки над головой, коротенькая юбочка, – приобретенная на блошином рынке в Вене. Блошиные рынки – слабость Федора, он никогда не упускает возможности посетить барахолку всюду, куда приезжает, и с удовольствием копается в разном старье.

Сейчас перед Федором разложены фотографии «стеклянных куколок», в ряды по четыре, и фотографии пропавших девушек. Дверь на балкон открыта – несмотря на начало ноября, ночь удивительно мягкая и влажный воздух шевелит занавеску. Воздух пахнет озоном и почему-то морем, кажется, прислушайся – и услышишь плеск волн. Сияет полная луна. Федор думает.

Три совпадения. Юлия Бережная, пропавшая двадцать девятого августа, Олеся Ручко, четвертого мая, и Евгения Абрамова, дата не установлена – не то в конце декабря прошлого года, не то в начале января этого. Каникулы, суматоха, никто вовремя не хватился. Четвертая куколка-модель неизвестна.

Две оставшиеся девушки из Колиной папки «Разыскиваются». Точный глаз Ивана Денисенко уловил сходство, но... значит ли это, что он прав? А если Иван ошибается? Сестра узнала Юлию только на одной фотографии из четырех.

Федор всматривался в лица девушек, пытаясь найти что-нибудь общее. Скорее всего они стали жертвами серийного убийцы, и существуют наработанные приемы сыска... Серийные убийцы, как правило, отдают предпочтение одному типу внешности и тщательно выбирают жертв – по цвету волос, возрасту, профессии, социальному статусу. Даже по месту жительства – желательнее недалеко от собственного жилья, так как знакомы с районом и проходными дворами.

Что общего у трех жертв?

Возраст? Пожалуй. Юлия Бережная и Олеся Ручко совсем юные, одна с каштановыми волосами, другая – русая; Юлия – студентка; Олеся – секретарша. Евгения Абрамова постарше,

темноволосая, менеджер гостиницы. Живут... жили в разных концах города. Они пересеклись с убийцей... где-то: в кафе, на улице, в кино, в гастрономе... Где угодно! Он заговорил с ними, улыбнулся и... что случилось дальше? Чем-то он их заманил. К себе? Вряд ли. Сначала, допустим, пригласил в кафе. Потом погулять по вечернему городу. Потом ужин в ресторане... Тут возникает вопрос: стал бы он так «светиться»? Подобные типы наблюдают издали, в контакт с жертвой вступают редко. Что опять-таки не общее правило и зависит от темперамента. Нелюдимый неуверенный в себе тип, возможно увечный, на контакт не решится. А разбитной смешливый клоун, наоборот, пройдет по острию, что добавляет ему драйва. Уличное знакомство, треп, шуточки, смех и так далее. Девушки любят веселых. Столкнулись случайно и дальше пошли вместе. Куда? Вопрос.

Почему куколки? Потому что неподвижны? Или потому что в разных одеждах и париках? Зачем грим? Неудавшийся визажист или попытка замаскировать лица? С какой целью выложил фото в Интернете? Хочет признания? Аплодисментов? Сидит и радостно хихикает – а что я знаю! А вы не знаете! Откуда вообще идея сделать из девушек кукол? Почему после четырех «сессий» он прикрыл свое подпольное ателье и обрубил концы? Вывод напрашивается сам собой: достиг планки, дальше опасно, нужно менять приемы, обстановку и на время залечь на дно. Возможно, что-то его испугало. А это говорит о том, что, вероятно, это не первая гастроль, во-первых, и одному богу известно, сколько их было до этого. А во-вторых, что он хитрый и изобретательный садист с опытом и фантазией, и если его не остановить, то... Если не остановить, то!

Красочные картинки, снова и снова. Юлия Бережная, двадцать девятое августа. Олеся Ручко, четвертое мая. Евгения Абрамова, декабрь – январь. Четвертая девушка – зеро. Пусто.

Федору пришло в голову, что в данном деле всюду четверки. Четыре четверки кукол, четыре девушки-жертвы... И три совпадения в «колодах», как выразился Иван. Тройка не лезла ни в какие ворота, она выпадала из ряда. Должно быть четыре, подумал Федор. Четыре попадания. Это не из чего не следовало, это просто пришло ему в голову, но отделаться от мысли, что попаданий должно быть четыре, он уже не мог. Кто-то из Колиного списка находится среди «стеклянных куколок», кто-то из оставшихся, но вот кто – вопрос. Иван узнал только двоих плюс Юлия... Федор рассматривал и сравнивал фотографии, поворачивая их к свету, изучал через лупу, но так ни к чему не пришел. Тяжелый грим, парики, яркие костюмы делали девушек неузнаваемыми.

Он допил кофе и вышел на балкон. Дул мягкий морской бриз, необычный для их климата, и сияла в полный накал луна. Она была так близко, что на ней как на карте высветились темные пятна рельефа. Горы, ущелья и старинные замки. Ослепительное каменное ядро висело над Землей, освещая, колдуя и пробуждая черт знает какие глубинные инстинкты и желания. Посылая озарения. И все спокон веку это знали – и маги, и поэты, и психологи...

Федор вернулся за письменный стол. Потянулся за ручкой. Положил перед собой чистый лист и включил компьютер...

Его догадка... озарение! оказалось верным. Двадцать девятого августа было *суперлуние*; четвертого мая – *новолуние*; пятого января – *полнолуние*. Таким образом, точная дата исчезновения Евгении Абрамовой укладывалась в логический ряд: *пятое января*. Скорее всего. Гипотетически, разумеется, так как всегда существует возможность просчета.

Схема? Похоже, схема. Таких совпадений не бывает. Или бывают, но редко.

Федор взялся за фотографии пропавших девушек из Колиной папки, выписал даты. Проверил. Только в одном случае дата исчезновения соответствовала «лунной схеме». Бинго!

Четвертой девушкой оказалась Маргарита Свириденко, медсестра из стоматологической поликлиники, пропавшая девятого сентября прошлого года в *суперлуние*. Он сравнивал девушку с последней безымянной куклой, снова рассматривал фотографии с лупой, раздумывая, до чего же легко изменить внешность человека до неузнаваемости и до чего же легко

человеку исчезнуть и раствориться без следа. Он вспомнил рассказ Чапека об исчезнувшем великом артисте: тот, вживаясь в роль, вышел из дома в гриме и в платье нищего, и его сбила машина. И никто никогда не догадался...

В конце концов ему показалось, что он уловил сходство...

Федор не выдержал и набрал Савелия. Ему нужен был слушатель. После пятнадцатого сигнала он услышал испуганный голос друга:

– Что? Федя, что случилось?

– Савелий, я нашел четвертую девушку!

– Четвертую... Ага... Какую девушку? – забормотал Савелий.

– Четвертую «стеклянную куклолку».

– Нашел? – Савелий наконец проснулся. – Как нашел?

– Очень просто. Выйди на балкон!

– Куда? На балкон? Федя, ты... только не переживай, все образуется... Хочешь, я приеду? – лепетал перепуганный окончательно Савелий, вообразивший себе бог весть что. Он никогда не понимал и не одобрял ночных бдений Федора.

– Савелий, я в порядке. Выйди на балкон!

– Ладно, ладно, Федя, ты только не волнуйся, я иду!

Савелий поспешил на балкон. Он отдернул штору, распахнул дверь и замер, пораженный видом громадной сияющей луны, висевшей прямо над его балконом.

– Видишь? – спросил Федор.

– Вижу! Луна. И что?

– Всех девушек похитили в период активности луны, понимаешь? Из списка Коли двух узнал Иван Денисенко. Одна из них, Олеся Ручко, исчезла в новолуние, другая, Евгения Абрамова, в полнолуние. Про Юлию мы уже знали, значит, три, а из остальных из Колиного списка только одна исчезла в полнолуние, даже в суперлуние! Ее зовут Маргарита Свириденко, она медсестра в стомклиннике. Узнать ее среди кукол невозможно, но это она, потому что укладывается в схему.

– Суперлуние? – ухватился Савелий за незнакомое слово, не в силах отвести глаза от ослепительной луны.

– Да, когда луна особенно яркая, как сейчас. Наш лунатик похищает девушек в новолуние и суперлуние, понимаешь?

– И... что? Как это поможет?

– А то. Возможно, он психически болен, луна активизирует его и заставляет действовать. Нужно проверить психоневрологические диспансеры, может, он на учете...

Тут Федор сник – ему пришло в голову, что проверить-то можно, но пациентов несколько сотен, и вовсе не факт, что подозреваемый на учете. Идея интересная, но, скорее всего, гиблая. И опять-таки не факт, что доктора среди анализов и всяких «объективно» напишут что-нибудь вроде: «На пациента негативно влияет полная луна, нужен особый присмотр». Скорее, не напишут, чем напишут... А ему, Федору, нужен самый маленький намек, подсказка, ему бы только зацепиться! Что-нибудь осязаемое, к чему можно приложить «лунную схему», которая превратится в улику.

– Федя, ты его вычислишь, я уверен! – Савелий почувствовал настроение друга. – Мы уже много знаем! – Ему хотелось спросить, как сообщить родственникам девушек об этом открытии, но он не решился.

Федор понял и сказал:

– Мы пока никому ничего не скажем, а вдруг ошибка? И будем копать дальше.

– Будем копать, – повторил Савелий, вздыхая. – Спокойной ночи, Федя.

Федор хотел позвонить также и капитану Астахову, но передумал и звонить не стал. Пусть спит, жизнь у него тяжелая, набегался за день, устал как собака. Успеется завтра.

Часы показывали три. Федор улегся и долго не мог уснуть, а когда все-таки провалился в глубокий и мрачный сон, был выхвачен оттуда противным писком будильника – поставил позавчера на вчера и забыл дать отбой. Он застонал – самое время доспать и досмотреть сон, занятий с утра нет, а семинар в двенадцать. Он попытался вспомнить, что же ему привиделось, но сон уже испарился и остались несвязные клочки, где перемешались гупанье тяжелых сапог, бег, ветки, хлеставшие по лицу, чье-то тяжелое дыхание и визг уключин. Покрутив клочки так и сяк, чтобы сложилась фигура, Федор не преуспел и от своей затеи отказался. Проклятый телефон показывал семь часов и четыре минуты. Федор вскочил, натянул спортивный костюм и побежал в парк... Раз уж так получилось.

День разгорался мягкий, нехолодный, очень тихий. Парк был затянут туманом; белое марево сгущалось в глубине, вокруг кустов, и редело на аллеях. Густо пахло сыростью и грибами. Листья на земле пожухли, из желтых стали бурыми; деревья сбрасывали последние, и они в полнейшем безветрии зигзагами слетали на ярко-зеленую мокрую траву. Видимо, ночью были заморозки.

Федор добежал до пушек, взглянул на реку, но ничего не увидел: ни реки, ни пляжей, ни роц на том берегу, даже пешеходного моста он не увидел – все тонуло в густой белесой пелене.

Он пробежал по тропинке мимо неясной громады Спаса – наверху угадывались тускло-золотые конусы башен; мимо детской площадки и свернул к заброшенному фонтану. Бежалось ему легко, члены были гибки, и он уже в который раз дал себе слово бегать каждый день... Ну, через день хотя бы. Это же такое удовольствие – набегаться до упаду, потом горячий душ пополам с холодным и кофе... м-м-м... кофе! Вместо того чтобы беспредметно дрыхнуть и терять драгоценное время.

Он бежал и выстраивал план действий. С чего начать, с кем поговорить, у кого спрашивать, где искать. Он бросил вызов маньяку, и теперь дело чести для него придавить эту гадину! Этого лунастика!

* * *

– Олечка, я что-то совсем расклеилась, я полежу немного, – сказала старая седая женщина, лежавшая на тахте, молодой, возившейся с уборкой.

– Конечно, тетя Слава, не вставайте, лежите. Это из-за погоды. Льет и льет! Не похоже, что зима скоро. Кушать хотите? Что вам приготовить?

– Ничего не нужно, моя хорошая, не хочется.

– Так нельзя! Я сделаю омлет и крепкий чай с лимоном. И затоплю, дом совсем выстудился.

– Выстудился, – согласилась старая женщина, которую молодая женщина назвала тетей Славой. – Затопи, Олечка. Поленья из сарая носи по одному, аккуратно, нам, женщинам, нельзя тяжести.

– Ладно, тетя Слава. Ой, снег пошел! – Она подбежала к окну, раздернула гардины. – Смотрите, какая красота! И солнце! Сейчас я сбегая в магазин, хлеба уже нет, яйца еще нужно, молоко, кефир... Может, хотите копченой рыбки? С картошечкой?

– Хочу. Олечка, накрой меня пледом, действительно холодно.

В сенцах затопали тяжелые шаги, и в залу ввалилась здоровенная тетка в тулупе, с красным обветренным лицом. Стала на пороге.

– Ну как, девчата? – хрипанула басом. – Не померзли? Минус пять ночью, и снег пошел! Хоть этот проклятый дождь кончился, достал уже. Слава Мироновна, вы как? Опять давление подскочило?

– Опять, Леночка. Но уже все в порядке. Ты проходи, садись!

– Некогда мне, Слава Мироновна, бегу на почту, посылка пришла от дочки. Она звонила, передает вам привет. Может, надо чего в лавке? Я забегу.

– Спасибо, Леночка, не нужно ничего. Олечка потом сама.

– Повезло вам с племяшкой, Слава Мироновна. Девка расторопная, добрая... И у меня на душе спокойнее, присмотрит за вами в случае чего. Она спрашивала меня насчет работы, у меня кума в жэке, им нужна секретарша – ихняя Аня уходит в декрет. Лишняя копейка никогда не помешает, какая там у вас пенсия. А лекарства дорогие, ужас!

– Спасибо, Леночка.

– Да чего там спасибо, Слава Мироновна! Это я вам по гроб жизни! Вы ж и меня учили, и Пашку, хулигана, и Зойку. Людьми стали. Пашка вон бизнесменом, Зойка в Германии тренером по гимнастике. Да, Андрей вам вечером картошечки закинет, нечего с базара таскать. Вы, если надо чего, говорите, не стесняйтесь. И Ольга пусть заходит, не чужая. Она как, домой не собирается?

– Не собирается, Леночка. Да там и не осталось никого, а здесь мы вместе, дом свой.

– Ну и правильно! Мы ей еще жениха приличного подыщем. Она девушка хорошая, но какая-то тихая и робкая, надо бы побойчей. Ладно, девчата, мне пора. Не болейте, Слава Мироновна, держитесь. Вон, снег пошел, красота!

Леночка выкатывается из комнаты, топает через сенцы, хлопает входная дверь, и наступает тишина...

Глава 7

Поиск запущен

Федор открыл калитку, вошел в небольшой заросший травой дворик. Дорожка была засыпана палыми листьями, ее давно не чистили, и Федор почуял неладное. Здесь жила Маргарита Свириденко, медсестра стомклинники, пропавшая девятого сентября прошлого года – четырнадцать месяцев назад. Федор собирался поговорить с родными девушки, но что-то подсказывало ему, что в доме не живут.

Он поднялся на крыльцо, усыпанное листьями, постучал, не найдя звонка. Потом подергал ручку. Ему показалось, что дверь осела; тусклые окна были мертвыми. Казалось, здесь было холоднее, чем на улице.

Это был район заповедника Еловица. Когда-то вокруг выстроились дачи, которые постепенно превратились в жилые дома. С крыльца Федор видел верхушки деревьев старой рощи.

Вокруг было удивительно тихо; кусты и деревья закрывали соседний участок, и место казалось вымершим. Он обошел вокруг дома, заглянул в единственное окно, не задернутое шторой. Пусто и темно внутри.

Федор вздрогнул от звука женского голоса. Женщина появилась ниоткуда, стояла на дорожке и смотрела на него. Это была немолодая полная женщина в мужской куртке и резиновых сапогах. Она что-то сказала, но Федор не расслышал.

– Вы покупатель? – повторила она. – У меня есть ключ, я вам все покажу. – Она показала ключ, зажатый в руке; поднялась на крыльцо, сунула ключ в замочную скважину, приговаривая: – Я вам все, как есть! Дом хороший, отсырел малость... Почти полгода никто не живет, а так хороший, и газ, и вода есть, и до остановки автобуса рукой подать. Они не хотели продавать, только два месяца как выставили, а то давно бы с руками оторвали. Хороший дом, сами увидите.

Они вошли в сенцы – в носшибанул тяжелый сырой запах брошенного жилья.

– Протопить бы, – вздохнула женщина. – Все руки не доходят. Игорь уехал, просил присмотреть, а как будут покупатели, сразу звонить. Он строитель, сейчас перебрался в Зареченск, там итальянцы комбинат ставят, работы много. А на продажу выставили, как Таня умерла. Так сразу и выставили.

В «зале» было сумрачно и холодно; от запаха тления заслезились глаза. Федор осмотрелся. Простая мебель, палас на полу, ваза на столе, покрытом плюшевой скатертью, горка с тусклыми стеклами и едва угадываемой внутри посудой, такой же тусклой. Женщина меж тем хлопотала, споро передвигаясь: отодвигала гардину, поправляла скатерть, незаметно смахивая пыль каким-то лоскутом.

– Смотрите! Еще спальня и маленькая комната, там... – Она осеклась. – Надо бы протопить, отсырело все. Дом без хозяйской руки пропадает.

– Как вас зовут? – спросил Федор.

– Клавдия Сергеевна, можно Клава, – сказала она с готовностью. – Да вы смотрите, смотрите, не стесняйтесь.

– Клавдия Сергеевна, я не покупатель, – сказал Федор. – Я пришел поговорить с родными Маргариты Свириденко.

Женщина охнула и прикрыла рот рукой.

– Я... мне нужно поговорить. Сейчас открылось кое-что новое...

– Неужто нашли? – воскликнула она. – Риточка пропала... когда же? Девятого сентября, уже больше года будет. Уж как Таня ждала ее, не передать! Игорек, брат Риточки, обошел весь город, всех подружек, все больницы, и в полицию чуть не каждый день ходил, спрашивал, и

ничего! Плакат повесили и успокоились, а Таня от каждого звонка аж вскидывалась, совсем никакая стала. Умерла от сердечного приступа в июле, «Скорая» не успела. Ждала до последней минуты... Горе наше горькое... – Клавдия Сергеевна вытерла глаза углом платка. – Игорек говорит, не буду здесь жить, и вообще съехал, а дом хочет продать и объявление дал в газету и еще на столбах развесил. Были двое, приценивались, но сразу видать, шаромыжники. А вы... – Она окинула взглядом Федора, – человек солидный, я уж обрадовалась...

– Таня – это мама Риты?

– Мама. Риточка и Игорек, детки, только и свету в окошке у нее было. Вы сказали, что нашли Риточку? Живая ли?

Она не спросила про документы, и он подумал, что немолодые люди, осколки старой эпохи, доверчивы и наивны.

– Не нашли, Клавдия Сергеевна, ищем. Что она была за человек?

– Что за человек? – Женщина наморщила лоб и задумалась. – Хороший человек, всегда поможет, лекарство достанет, она медсестрой работала в зубной поликлинике. И к врачу всегда устроит без очереди. Душевная. Двадцать четыре года, серьезная, скромная... Что еще? Одевалась красиво.

– У нее был парень?

– Да кто ж ее знает? Сюда не водила точно, я не видела никого. Таня по секрету говорила, вроде был кто-то, подвозил ее на машине, но в дом не заходил.

– Я бы хотел посмотреть комнату Риты, если можно.

Женщина кивнула, и Федор открыл дверь в комнату девушки. Диван-кровать, столик у окна, полки с книгами. Задернутая цветастая гардина. Альбом на столе.

– Можно? – спросил Федор.

– Конечно, смотрите.

Цветные фотографии, везде Рита: на море, в парке, в кафе, на веранде с немолодой женщиной, видимо, мамой; со смеющимся парнем в обнимку. Брат. Красивая крупная блондинка, длинные распущенные волосы, голубые глаза, сережки с голубыми камешками.

Федору показалось, он рассмотрел веснушки на носу. Улыбается, смотрит на зрителя, все впереди. Он вздохнул и спросил:

– Я могу взять...

– Берите, если поможет найти. Конечно, берите.

Они распрощались у калитки, и Федор пошел к машине. Клавдия Сергеевна стояла и смотрела ему вслед...

* * *

– Полнолуние? Новолуние? – с недоумением повторил капитан Астахов. – Какое, к черту, полнолуние? Ты чего, Алексеев? Какой лунатик? Ты знаешь, сколько этих... *лунатиков*, – выговорил он с отвращением, – по городу?

Друзья снова сидели в «Тутси», издали на них смотрел толстый усатый Митрич с печальными глазами, и они обсуждали новые оперативные данные.

– И суперлуние, – добавил Савелий.

– Чего? Супер... что? – поперхнулся Коля.

– Суперлуние. Это когда луна особенно яркая, оно бывает реже, чем полнолуние.

– Ну, вы... делать вам нечего! И по Маргарите Свириденко... И это все твое доказательство, что она четвертая кукла? Пропала в полнолуние, значит, кукла? Я правильно понял? У нас что, семинар по магии? Ты же был опером, ты же знаешь цену таким доказательствам... Не ожидал! Честное слово! Суперлуние... – Капитан фыркнул. – И не похожи они вовсе!

Федор и Савелий переглянулись.

– Я бы все-таки проверил. Отдай криминалистам, – сказал Федор.
Астахов махнул рукой.

– Коля, ты говоришь, что веришь фактам, так? – начал Савелий.

Капитан взглянул остро и промолчал. И ты туда же, говорил его взгляд.

– Но ведь таких совпадений не бывает! У нас есть даты исчезновений всех девушек, но только четыре из них пропали в полнолуние, суперлуние и новолуние, понимаешь? Только эти четверо. Нам были известны три, и логичным было допустить, что четвертая девушка тоже пропала в полнолуние, а такая в твоём списке только одна – Маргарита Свириденко, она же четвертая кукла.

– Я был у нее, – проронил Федор.

Астахов демонстративно молчал.

– Дом заперт, там никто не живет. Мать Маргариты умерла летом, брат выставил дом на продажу. Я говорил с соседкой.

– Он мог лечить зубы в той клинике, – сказал Савелий.

– Ага, лунатик с больными зубами, – буркнул капитан исключительно из духа противоречия.

– Мы ничего не теряем, Коля. Маргарита Свириденко исчезла четырнадцать месяцев назад, и до сих пор никаких следов. Мне не нужна помощь, я сам покопаю.

– Я могу помочь, – встрял Савелий.

– Спасибо, Савелий.

– Терпеть не могу, когда путаются под ногами, – сказал Коля, и это было похоже на капитуляцию.

...Когда они расходились, уже на улице, Астахов сказал, понизив голос:

– Ты, Федя, особенно не светись, он убийца. И не лезь на рожон, понял? И не вздумай таскать за собой Савелия.

Федор кивнул.

Глава 8

Охотничий зал

Гостиница «Братислава» была самой крутой в городе. Прямо с порога все здесь поражало воображение немислимой красотой: холл размером с городскую площадь, пол розового мрамора, уютные уголки с диванами и креслами серой кожи; цветы и деревья в фаянсовых горшках, расписанных в пейзажном стиле. Запах приятного дезодоранта.

Федор Алексеев подошел к стойке дежурного администратора. Администратором была красивая женщина средних лет с длинными светлыми волосами, и звали ее Марина Валериевна – так было написано на крошечном золотом стенде, стоявшем на стойке. Она взглянула вопросительно. Федор включил обаяние, выдержал паузу, улыбнулся, глядя ей в глаза, и сказал:

– Добрый день, Марина Валериевна. Никогда раньше у вас не был, даже не ожидал, что тут так уютно.

– Да, тут у нас все поменяли после ремонта, кучу денег вбухали. Дизайнер из Франции работал. У вас ко мне дело?

– Меня зовут Федор. Федор Алексеев. Я хочу поговорить с вами о вашей сотруднице, бывшей сотруднице Евгении Абрамовой.

– Господи! – всплеснула она руками. – Неужто нашли?

– Пока нет, ищем, Марина Валериевна. Сейчас открылись новые обстоятельства, и я думаю, нам стоит поговорить.

– Можно Марина. Конечно, конечно! Знаете что, я сейчас позвоню, меня заменят... Это ведь ненадолго? И мы спокойно поговорим.

...Они устроились в мягких креслах в холле. Официантка, молоденькая девушка в короткой юбочке, привезла на тележке кофе и сухарики. Споро перегрузила, расставила, застыла, сложив руки на животе.

– Спасибо, Света, это все. Можешь идти.

Девушка сделала реверанс и умчалась. Федор посмотрел ей вслед, и Марина сказала:

– Новенькая, старается. У нас с персоналом строго, но и платят хорошо. Что же вас интересует, Федор?

Она смотрела ему в глаза – красивая блондинка, умело покрашенная; от нее приятно пахло. Он скользнул взглядом по ее короткой юбке, открывающей острые коленки, и подумал, что она одинока. Красивая, знает себе цену, состоятельная и... одинокая. В той стадии одиночества, когда это уже бросается в глаза. Во всем облике – выражении лица, одежде, украшениях – выверенность и безупречность, дают себя знать часы, проведенные у зеркала. Безупречно одета, безупречно причесана, красивые руки и коленки. Выражение лица, приподнятая бровка, легкая улыбка, голова вздернута. Королева. Но... одна. Ни детей, ни мужа, ни любовника, скорее всего. На случайную связь она не пойдет, а постоянные не обламываются. Минимум времени на кухне; не ужинает – диета. Голодные вечера перед телевизором, набившие оскомину сериалы: менты и бедные девушки, которым повезло. Ромашковый чай. Здоровый сон.

– Я вас слушаю, – сказала она. – Что вы хотите знать?

– Что за человек была Евгения? У нас нет данных о ее семье... С кем дружила? С кем была близка?

– Женя была хорошей девушкой, умница, самостоятельная. Сильная. В ней не было бабского... такого, знаете, посплетничать, облить грязью за спиной... – Марина запнулась и помрачнела, видимо, вспомнила что-то личное. – Семьи не было, она из детдома. Может, поэтому постоянная демонстрация характера, игра мускулами. Она как будто говорила всем: попробуй, тронь! Хотя никто и не собирался, у нас коллектив, в общем, дружный. Она все

время оборонялась, понимаете? Отсюда жесткость, неулыбчивость. У нас часто бывают всякие летучие междусобойчики, ну, там, день рождения, или ребенок родился, или премию дали, на полчаса, не больше – выпили за здоровье, закусили, посмеялись и разбежались. А Женя никогда! Понимаете, красивая девушка и такая... несъедобная, извините за выражение! – Она усмехнулась. – Я понимаю, может, я не должна так, но ведь вам нужна правда, вы же не некролог пришли писать.

– Вы правы, Марина, мне нужна правда. Она дружила с кем-нибудь?

– Не знаю. – Марина пожала плечами. – По-моему, ни с кем. Мы вообще ничего о ней не знали, она никого к себе не подпускала. Пришла на работу, отсидела и ушла.

– Но вы сказали, она была хорошая...

– Да, она была хорошим человеком. У меня были проблемы по работе, по моей вине, она была моим начальником, я думала, она меня сожрет с потрохами, пришла, покаялась, расплакалась, заявление об уходе в сумочке. А она протягивает мне салфетку... – Марина часто заморгала, удерживая слезы. – И с тех пор я стала к ней по-другому относиться, понимаете? Она была надежная. Просто другая. Конечно, детдом сказался, жизнь там не сахар. Ой! – вдруг вскрикнула она. – А почему «была»? Господи, что это я! Мы тут между собой решили, что она уехала. Взяла и уехала, начала новую жизнь. Или вы уже что-то знаете?

– Пока нет. Ищем. У нее была своя квартира?

– Нет, она снимала. Я думала, дело давно закрыли, тем более семьи нет, никто не ходит, не надоедает. А оно висит, да?

– Висит. Мне нужен адрес квартиры, можно?

– Конечно. Пишите! Я была там в январе, искала Женю, встретила с ее хозяйкой...

Федор достал блокнот и ручку.

– Марина, а у нее был кто-нибудь?

– В смысле, мужчина? Друг? Нет, по-моему. Я никогда ее ни с кем не видела. Да и девочки вряд ли, а то шушуканья было бы! Она сразу окатывала человека как из ведра, никто не выдерживал. Знаете, когда она не вышла на работу, шестого, кажется, января, мы звонили, а она не отвечала, и это было так на нее не похоже, что Лена, младший администратор, сказал: «Девочки, чует мое сердце, что-то с ней случилось!» И как в воду глядела. А потом наш хозяин вышел на знакомых в полиции, они сказали подать в розыск. Квартира стояла пустая, все вещи на месте, говорили, даже золото на месте, ничего не пропало. То есть она никуда не уезжала... просто пропала. – Марина поежилась, обхватила себя руками. – Ужасно! Я думаю, самое ужасное – это неизвестность. Был человек и вдруг исчез. Я с месяц больная ходила, все думала... где она? Что случилось? Куда она делась?

– Подумайте, Марина, может, ей звонили или приходили сюда, может, она отпрашивалась с работы. Мне нужно все. Любая мелочь. Может, ее спрашивали какие-нибудь незнакомые люди, неважно, женщины или мужчины.

Марина задумалась. Потом сказала:

– У нас работал чучельник примерно год назад. С осени до зимы...

– Кто? – не понял Федор.

– Ну, чучела делает из зверей.

– Таксидермист?

– Ну да, таксидермист по-научному. Мы оформляли охотничий зал по просьбе нашего клуба охотников, самые крутые даже инвестировали. Им надо проводить праздник «первого кабана», идею привезли из Германии, дружат с клубом из какого-то города в Тюрингии. Размахнулись не на шутку: резные деревянные панели и потолки, хрустальные светильники, чучела кабанов, лис, волков, даже лось есть. Собираются, едят убитого кабана, пьют, орут гимн... Наш местный поэт сочинил, Леша Добродеев, вы, наверное, знаете. Прямо тебе акаде-

мический хор, руководителя из филармонии наняли. Лешу все знают, толстый такой. – Она округло показала руками размеры поэта.

– Тоже охотник? – ухмыльнулся Федор, который прекрасно знал «желтоватого» журналиста Лешу Добродеева, способного на все. Правда, до сих пор «охотничья» сторона деятельности поэта была ему неизвестна.

– Ага! Да он там у них самый активный, и статьи в газетах пишет, и хроники клуба ведет, и запевала в хоре. Без него никуда. Чучела делал мастер... сейчас, сейчас... – Марина призадумалась. – Вспомнила! Вадим Устинов! И вот тогда слушок прошел, что у Жени с ним вроде как роман намечается. Ну, может, роман громко сказано, но их видели вместе раза два или три, они разговаривали. Она заходила посмотреть, как продвигается работа, он ей все рассказывал, она вроде интересовалась. Девочки удивлялись, что Женя обратила на него внимание.

– Почему?

– Ну, он... как бы это сказать, не ее романа. Простоватый, спокойный, даже какой-то заторможенный, неразговорчивый. Очень серьезный. Вечно в синем комбинезоне и клетчатой рубашке, и еще в серой бейсболке козырьком назад.

– То есть был слух, что они встречаются?

– Ну что вы! Не думаю, что они встречались. Просто он был безобидный, и Женя снизошла, понимаете? Он был работяга, он не стал бы приставать, кидать косяки... Да она его и за мужика не считала, я думаю.

– Сколько ему лет, по-вашему?

– Не старый, лет тридцать восемь, наверное, или побольше. И не урод, лицо очень даже ничего, только застывшее. Здоровался и шел в зал. Ни с кем не разговаривал, не улыбался, никакого трепы. Девочки пытались его разговорить, забегали в зал, ахали, восторгались, а он молчит, только зыркает. А с ней разговаривал. Все обозвали его «бирюк». У нас есть договор в бухгалтерии, там адрес, все его данные, расчеты, если нужно.

– Когда был закончен зал?

– В середине декабря, на Новый год там уже вовсю гуляли.

Федор кивнул.

– Хотите посмотреть? – спросила она.

– С удовольствием!

Зал был прекрасен. Забранные темно-коричневым резным деревом стены и потолок – окон здесь не было – производили впечатление старины и аристократичности. Над длинным столом о двух массивных ногах-тумбах, на черных металлических цепях низко висели большие люстры; камин сиял медной фигурной решеткой; на зеленой мраморной доске стояли шандалы под старину; на стенах висели чучела животных – дичи: кабаны, волки, лисы. Лось. Звери смотрели на Федора фальшивыми глазами, и в стекляшках их глаз играли блики света.

– Ну как? – не выдержала Марина.

– Впечатлен! – искренне произнес Федор. – Не ожидал ничего подобного. Так я себе представляю средневековый замок немецкого барона.

– Всем нравится, экскурсии ходят, – сказала она довольно. – Наша гостиница включена в путеводитель, там несколько фотографий зала.

– Здесь собираются только охотники?

– Не только. Тут проводят деловые ланчи, корпоративы, юбилеи. Деньги немалые, но людей с деньгами тоже ведь немало.

– А этот мастер, Вадим Устинов, он от какой организации? Или мастерской?

– Понятия не имею. По-моему, частник. Хозяину кто-то посоветовал, и он с ним договорился. Он приходил в любое время, иногда утром, иногда вечером и оставался допоздна. Прикидывал, куда их определить, рисовал эскизы. А потом привез часть чучел на машине и снова прикидывал, куда их. Ужас, какой дотошный. Я как-то зашла, а он сидит на табурете,

рассматривает стены. Так задумался, что меня не заметил. Я что-то сказала, он так и вскинулся – испугался, забормотал что-то. Странный тип.

– Понятно. Марина, у вас нет фотографии Евгении?

– Есть! С последнего корпоратива, в конце декабря прошлого года. Сейчас принесу.

Она вернулась через несколько минут, протянула несколько фотографий:

– Вот! Выбирайте. Это последние. Больше мы ее не видели.

Радостные лица, елка с фонариками, накрытый стол; Марина и Евгения с гирляндой; несколько женщин на диване с бокалами шампанского; Евгения в кресле, волосы распущены, в платье с глубоким вырезом, в вырезе подвеска – какая-то фигурка, не то зверушка, не то знак Зодиака.

– Что это? – спросил Федор, указывая на подвеску.

– Это птичка, по-моему, журавлик. Женя в Египте купила.

...Они сердечно распрощались, и Марина протянула Федору визитную карточку:

– Звоните, если что.

– И вы, – галантно ответил Федор, протягивая в ответ свою.

– Федор Алексеев, доцент, кафедра философии... Философии? – Она с удивлением подняла глаза. – Вы преподаватель философии? Я думала, вы из полиции!

– Я работал в полиции несколько лет назад, сохранил с ними связи, и меня просят иногда проконсультировать. Меня заинтересовало это дело, я просмотрел материалы, и у меня появились идеи. Потому я здесь. Вы мне очень помогли, Марина, спасибо.

– Не за что! – рассмеялась она. – Обращайтесь, Федор, всегда рада помочь философу!

* * *

Вадим Устинов... Нелюдимый, замкнутый, привыкший иметь дело с мертвой натурой. Чучельник. Профи, который семь раз отмерит, один раз отрежет. Своя машина – черный фургон. Евгения Абрамова, замкнутая, жесткая, одинокая. Без подруг и друзей. Их видели вместе. Вместе – громко сказано, они стояли в холле и разговаривали, кроме того, она приходила посмотреть, как идет работа. О чем они говорили? О чем они могли говорить? О чучелах? О погоде? О музыке? Возможно, Вадим провожал ее домой, на Пятницкую, одиннадцать. Возможно, бывал у нее. Марина сказала, ну что вы, они просто разговаривали и все. Евгения и этот... чучельник! Неисповедимы пути приязни. Никто не знает, что вызывает искру. Ладно, допустим. А что дальше? Какая дорожка привела Евгению Абрамову в «стеклянные куколочки»? Кто позвал ее в подпольную студию? Убил или усыпил, передел в костюмы Золушки, Красной Шапочки, цыганки и невесты? Должно быть, тот, кто привык возиться с телами...

Нелюдимый, молчаливый, привыкший иметь дело с мертвой натурой. Психологический портрет убийцы... Пожалуй, тут есть с чего начать! Зацепка. А там посмотрим.

Нужно сообщить Коле, пусть займется чучельником. Найти его фотографию, показать квартирной хозяйке Евгении Абрамовой. Пойти по его адресу, осмотреться, расспросить соседей.

Убийца встретил Евгению в «Братиславе». Медсестра Маргарита Свириденко, исчезнувшая девятого сентября прошлого года, работала в стомклиннике. Необходимо узнать, есть ли среди пациентов поликлиники Вадим Устинов.

Полнолуние, суперлуние, новолуние – то общее, что их объединяет. Должны еще быть точки соприкосновения с остальными двумя «куколками».

Нелюдимый и молчаливый; одинокий, скорее всего. Проверить. Каким должен быть лунатик? Записным весельчаком? Душой компании? Или мрачным и нелюдимым?

Теперь можно и в психдиспансер наведаться и проверить. Теперь, когда известно имя подозреваемого, и карты в руки.

Глава 9

Третья девушка

Федор сидел на диване перед низким журнальным столиком. Напротив в кресле уместись трое любопытных ребяташек – двойняшки Саша и Маша, трех лет от роду, и Светлана, как она представилась, барышня лет семи, – и с любопытством его разглядывали. Бабушка Елизавета Николаевна хлопотала на кухне.

– А вы уже нашли Олеся? – спросила старшая. – Бабушка и мама сначала говорили, что Олеся уехала, а дядя из полиции сказал, что ищут, а зачем искать, если уехала?

– Ищем, – сказал Федор.

– А где Олеся? – спросила Маша.

– Уехала, – ответила Светлана. – Я же говорила.

– Машка дура! – заявил Саша.

– Дам по губам! – пригрозила Светлана. – Я тебе что говорила?

– Я не буду!

– Сам дурак! – обиделась Маша.

– Дам по губам!

Маша заплакала. Федор поднялся, взял ее на руки:

– А кто это у нас тут плачет? Машенька большая и плакать не будет, да, Машенька?

– Сашка дурак! – Малышка потеряла глаза.

– Никто не дурак, – сказал Федор. – Саша хороший мальчик, а ты хорошая девочка.

Договорились?

– Рева-корова! – сказал Саша.

– Сашка, запрю в кладовке! – пообещала Светлана.

Сашка заревел.

Маша перестала плакать.

– Рева-корова!

– Света! – позвала из кухни бабушка. – Иди-ка сюда, помоги!

Хозяйка что-то там стряпала, несмотря на протесты Федора, и ему стало казаться, что она оттягивает момент истины, боясь услышать плохие новости. Света убежала. Маша погладила Федора по голове; подошел Саша, оперся о колено Федора.

– Ты кто? – спросила Маша. – А у тебя дети есть?

– Я Федор. Детей у меня нет.

– Совсем? Ни капельки?

– Ни капельки.

– Ты один?

– Один.

– Ты красивый, – сказал Маша. – Хочешь, живи с нами.

– Машка, не болтай, – сказала бабушка, появляясь из кухни с подносом. – Осторожнее, не толкни!

Она расставила чашки; Светлана принесла тарелочку с печеньем.

«Надеюсь, не ванильное», – подумал Федор.

Бабушка тяжело опустилась в кресло.

– Угощайтесь, пожалуйста.

– Это я пекла! – похвасталась Светлана.

Бабушка взглянула выжидательно. Федор кашлянул и покосился на детей.

– Вы... нашли? – спросила бабушка. – Что-нибудь уже известно?

Дети и бабушка смотрели на Федора, и выражение лиц у них было одинаковым. Ожидание, любопытство; пожалуй, еще страх у бабушки.

– Ищем, – сказал Федор, чувствуя себя препаскудно. – Я хотел спросить...

Бабушка вздохнула.

– Олеся... что она за человек? – Он едва удержался, чтобы не сказать «была».

– Добрая, по дому всегда помогала; с этими вот возилась. Дочка на двух работах, зять в Португалии уже третий год, приезжает только весной на месяц, каждую копейку сюда шлет. Я дома, с ними. А тут такое горе! За что нам такое горе? Я уже всю себя извела, господи, где она? Где наша девочка? Что случилось? Сначала от вас приходили, расспрашивали, а теперь уже и памяти нет. Дочка сама звонит, узнает, говорят, пока ничего.

– Олеся хорошая, – сказала Маша.

– Они ее уже забывать стали. – Бабушка заплакала. За ней захлопала носом Маша, потом Саша. – Шутка ли, с мая месяца.

– Бабуля, перестань плакать! – потребовала Светлана. – Федор пришел по делу, а вы мешаете. Перестаньте! Олеся пела хорошо и танцевала...

Федор насторожился.

– Я покажу! – Светлана подбежала к серванту, вытащила из ящика альбом. – Вот!

Хорошенькая светло-русая девушка в длинном красном платье; три кружащиеся пары на подиуме; тощая дама в коротенькой юбочке и с торчащими лопатками. У Федора пересохло в горле – даму он уже видел раньше. Это была руководитель школы танцев «Конкордия»... как ее?

– Это Стелла Гавриловна, Олеся ее очень любит. Это Олеся! И здесь! А это на конкурсе бальных танцев. Их школа заняла первое место. У Олеси полно дипломов!

– Вы кушайте, кушайте. – Бабушка перестала плакать. – Чаек, печенье... Может, завтрачку покрепче? И сахарку берите!

Федор для приличия отпил глоток. У него в папке лежали фотографии «стеклянных куколок», но показать их бабушке он не решился...

...Провожали его всем семейством. Малышня уцепилась за его колени, бабушка снова заплакала; Светлана смотрела строго.

– Федор, не уходи! – закричал Саша.

– По отцу скучают, все спрашивают, когда папка приедет. Вы, Федя, звоните, не забывайте...

Бабушка сунула в руки Федору теплый сверток – печенье, и он не посмел отказаться.

* * *

Круг замкнулся, сказал себе Федор. У нас есть схема: похищения в полнолуние, есть возможные точки соприкосновения убийцы с жертвами и есть подозреваемый. Или кандидат в подозреваемые.

Четыре девушки: Юлия Бережная, которая танцевала в школе «Конкордия»; Олеся Ручко, которая тоже танцевала в школе «Конкордия». Совпадение? Вряд ли.

Евгения Абрамова была знакома с чучельником, как показала ее коллега; других мужчин около нее никто не видел. Убийца не мог не засветиться... где-то. Вот он и засветился с Евгенией Абрамовой.

Маргарита Свириденко, работала в стомклиннике, туда может прийти всякий. Устинов тоже мог. Если это он, конечно. Федор повторял себе, что доказательств у него нет, что Устинов лишь *гипотетический* подозреваемый за неимением более перспективного кандидата, но где-то внутри билась уверенность, что он напал на след зверя. Куда бы он ни повернулся, он

натянулся на чучельника. Плюс психологический портрет в русле с классическими чертами серийного убийцы. Ему оставалось всего-навсего пойти по следу до конца. Или побежать.

У первобытного охотника в подобных ситуациях вздымалась шерсть на загривке, обострялось обоняние и напрягались мышцы, а также происходил мощный выброс адреналина. Федор не был первобытным охотником, и шерсти на загривке у него не водилось, но ощущения его были из генетических глубин, общих с первобытным охотником, хоть и не такими интенсивными – с поправкой на эволюцию.

Интересно, что узнал капитан Астахов. Федор потянулся за телефоном...

Оказалось, Вадим Дмитриевич Устинов, тридцати восьми лет от роду, был пациентом стомклиники. Вот так, сказал себе Федор. Вот тебе и точки соприкосновения подозреваемого с жертвами. Осталась школа танцев.

Чучельник Вадим Устинов был знаком с Евгенией Абрамовой и лечился в стомклинике, где работала Маргарита Свириденко. Юлия Бережная и Олеся Ручко, предположительно последние его жертвы, посещали школу танцев. Во всяком случае, о других им неизвестно. Осталось узнать, каким боком к школе относится Вадим Устинов...

Глава 10

Конкорда и «Конкордия»

...Школа танцев «Конкордия»: красочный сайт, фотографии, история создания. Биография руководителя, замечательной балерины и замечательного хореографа Стеллы Андрушко, с десятков ее фотографий – знакомые торчащие лопатки, тощие ноги с каменными икрами в третьей позиции, тонкие руки, узкие запястья; голова откинута, подбородок вздернут; спина... не спина, а натянутая струна. «Конкорда!» – вспомнил Федор. Участие в конкурсах; грамоты, награды, дипломы. Участники... или учащиеся. Раз школа, значит, учащиеся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.